

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ КРЕСТЫ

Среди археологических материалов, обнаруженных во время раскопок храма близ с. Семидворье, особого внимания заслуживают разнообразные кресты из железа и цветных металлов и их фрагменты. Всего к этому типу

предметов может быть отнесено до 30 находок (рис. 5.1; 5.2-5.6: 205, 206, 210, 211, 214, 218, 219, 220, 225, 226, 228, 229, 234, 235, 237, 238, 239, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 253, 255, 256, 257) (Таблица №1):

Таблица № 1. Распределение металлических крестов по строительным периодам, археологическим слоям и квадратам раскопа.

Строительные периоды	Слои	Квадраты										
		1D	2A	2C	2D	3C	3D	3E	4C	4D	4E	
I-II периоды	№ 6		226			228						229
	№ 6-1				211							
	№ 13			249	246 247							
III период	№ 4								210			
	№ 5					214			218 225	219	220	
	№ 12					244						
	№ 12а			235 237 238	234	241	239					
	№ 12б			242								
	№ 12в			243 245								
IV период	№ 2	206				205						
Поверхность материка	Поверхность материка			248		253						

Еще один целый и два фрагментированных креста (рис. 5.6: 255, 256, 257) представляют собой подъёмный материал.

Кресты неравномерно распределяются в исследованных слоях. Семь из них могут быть отнесены к первому этапу функционирования церкви или первому-второму строительному периоду (рис. 5.2; 5.5; 5.6: 211, 228, 229, 246, 247, 249), тогда как пятнадцать крестов соотносятся с третьим строительным периодом или вторым этапом жизни храма (рис. 5.2.-5.6: 210, 214, 218, 219, 225, 220, 244, 235, 237, 238, 234, 241, 239, 243, 245). Один из крестов (№ 205) может быть связан как с первым, так и со вторым этапом. Еще два креста (рис. 5.4: 253; 5.5: 248) были найдены на поверхности материка у кладки апсиды, отстроенной в третьем строительном периоде¹. Факт обнаружения этих крестов на материке не должен вызывать удивления, поскольку перед ремонтом апсидная часть храма была вычищена практически до основания. Вряд ли эти кресты стоит рассматривать как предметы, связанные с перестройкой или освящением церкви перед началом второго этапа её функционирования, поскольку они найдены в той же храмовой зоне, что и значительное количество крестов, использование

которых должно быть отнесено к третьему строительному периоду в целом. Два другие креста (№№ 206, 226), найденные к востоку и северу от храма и относимые соответственно к четвёртому и первому-второму строительным периодам, определённо были связаны с эпохой функционирования церкви и её интерьером, будучи лишь впоследствии перемещены за пределы храмового комплекса.

Большинство этих христианских предметов происходит из восточной и северо-восточной зон внутреннего пространства южного компартимента (не менее 15 находок: №№ 234, 235, 237, 238, 239, 241, 242, 243, 244, 245, 247, 248, 249, 253, 257), будучи зафиксированными преимущественно по линии квадратов С и D, что соответствует алтарной, предалтарной и центральной частям храма (рис. 5.1). Практически все кресты из алтаря относятся ко второму этапу жизни храма (№№ 235, 241, 242, 243, 244, 245, 248, 253). Лишь один, обнаруженный перед подрубкой материка у апсиды около прохода из южного компартимента в северный, может быть связан с первым этапом (№ 249) (рис. 5.1). Отметим, что два железных креста, обнаруженные невдалеке от этой концентрации сакральных предметов, были найдены на пороге под закладом проёма, некогда соединявшего южный и северный компартименты храма (рис. 2.25; 2.26; 5.1; 5.4: 237; 5.3: 238), который был закрыт в третьем строительном периоде. Еще один крест был зафиксиро-

¹ Абрис апсиды после восстановления алтаря в третьем строительном периоде не совпадал с полукругим апсиды первого храма (далее см. главу 1 «Архитектурно-конструктивные особенности и строительная периодизация храма»).

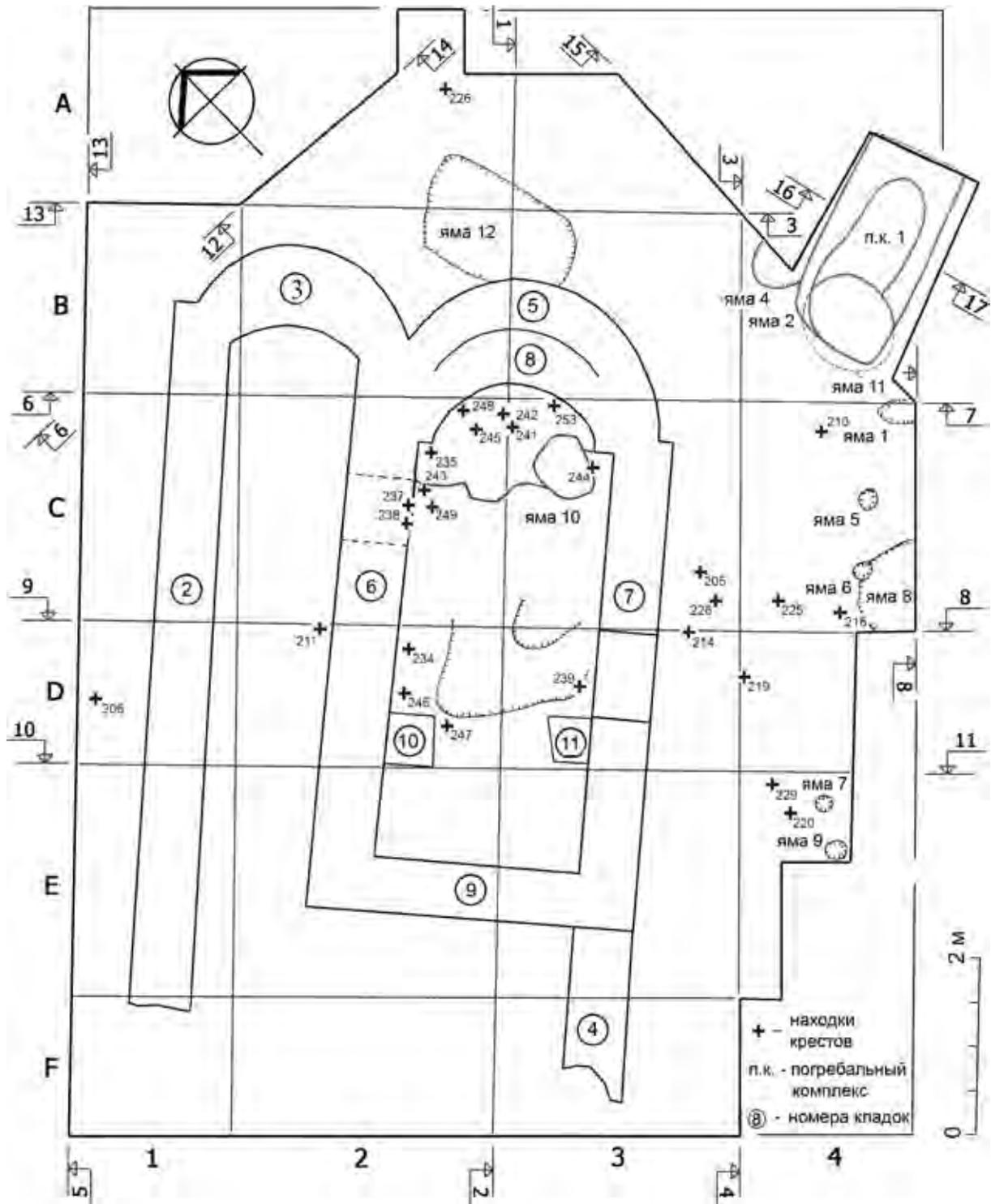

Рис. 5.1. Храм на холме Тузлук. План находок металлических крестов.
 Fig. 5.1. Church on the Tuzluk hill. Plan of distribution of metallic ex-voto crosses in the church.

ван к юго-западу от проёма непосредственно в северном компартименте (№ 211) (рис. 5.1).

Еще одну концентрацию крестов можно отметить к югу и юго-востоку от южного компартимента в районе входа в храм с юга по линии квадратов 3-4 (не менее 8 находок, первый этап – №№ 228, 229; второй этап – №№ 210, 214, 218, 219, 220, 225; крест № 205 нельзя

определённо отнести к тому или иному периоду в жизни храма) (рис. 5.1). Эти находки, очевидно, связаны с южным входом в храм, который в третьем строительном периоде становится основным, и где в это время появляется деревянный навес. Лишь один крест из тонкой серебряной пластины с пуансонным орнаментом (№ 206) и крест, вырезанный из дирхема (№ 226), были найде-

ны соответственно к северо-западу и северо-востоку от храма (рис. 5.1) в слоях №№ 2 и 6, что, как уже отмечалось, может быть связано с перемещением остатков и заполнения уже руинированной постройки. Кроме того, два пластинчатых креста (№№ 255, 256) (рис. 5.6) обнаружены вне археологического контекста в районе северного компартимента². Вероятно, они были переотложены в более позднее время, возможно, при обустройстве некоего сооружения в южном компартименте в XIV–XV вв. в четвёртом строительном периоде.

Распределение находок по слоям и их концентрация в отмеченных зонах указывает, по нашему мнению, что такое расположение исследуемых крестов не случайно. Представляется, что они попали в культурный слой там, где находились в момент разрушения или запустения храма, выполняя свои обрядовые или интерьерные функции.

Кресты зафиксированы в слоях №№ 2, 4, 5, 6, 6-1, 12, 12а, 12б, 12в, 13 и в апсиде на поверхности материка. Стратиграфические исследования позволяют заключить, что основные объёмы слоёв №№ 4 и 6 сформировались в результате разрушения кровли, архитектурных конструкций храма из мягких пород известняка и, вероятно, постройки в целом на финальных этапах второго и третьего строительных периодов. Слой № 5 снаружи от южного входа относится к третьему строительному периоду и образовался, как показывает анализ его содержания, в результате периодически осуществлявшихся действий ритуального характера, связанных, предположительно, с возжиганием «нового» огня перед началом богослужения, а также – с общинной трапезой, что подтверждается находками в этой зоне многочисленных кремнёвых чешуек, обломков стеклянных лампад, керамической посуды и фаунистических материалов³. Отметим также совместное залегание в одном контексте с крестами культового предмета иного типа – подвески из зуба оленя (рис. 6.2: 224). Слои №№ 12а-в внутри южного компартимента связаны с разрушением храма и реконструкцией этой части здания вместе с алтарным пространством в третьем строительном периоде. Стоит отметить, что в слое № 12а в южном компартименте совместно с крестами зафиксирован еще один предмет не утилитарного, предположительно, культового характера – раковина морского моллюска с отверстием для подвешивания (рис. 6.2: 236). Слой № 13 сформировался в южном компартименте в эпоху активной литургической жизни храма во втором строительном периоде, а обнаруженные здесь многочисленные фаунистические останки так же, как и в случае со слоем № 5, указывают на возможное использование этого храмового компартимента для общинных трапез. Впрочем, основное место про-

ведения общинного пира локализовать затруднительно в силу распространения остатков трапезы по всей территории комплекса. Очевидно, на эту роль могут претендовать не только зона южного входа и южная часть храма, но и северный компартимент с прилегающим к нему прихрамовым пространством. Обрядовый контекст находок железных крестов подтверждается также фрагментами стеклянных лампад, значительное количество которых обнаружено в тех же слоях №№ 5 и 12, что и сами кресты (см. главу 4 «Стеклянные сосуды»).

Итак, сделанные наблюдения позволяют заключить, что археологически зафиксированные концентрации крестов возникли в связи с процессом разрушения определенных храмовых зон или же с конкретными формами жизнедеятельности церковной общины. Синхронное залегание артефактов в слое должно непосредственно отражать их совокупное расположение в «живой культуре». Предварительно заметим, что металлические кресты должны были использоваться в определённых литургических обрядах, а не просто служить элементом храмового убранства. Это дополнительно подтверждается тем, что кресты концентрируются не только внутри храма, но и снаружи, будучи связанными с динамикой религиозной культуры, представленной обрядом, к сути которого нам еще предстоит вернуться. Факт их обнаружения в археологических слоях, связанных со всеми строительными периодами, свидетельствует, скорее всего, об использовании крестов различных форм на протяжении всего существования культовой постройки, т.е. в течение почти столетнего периода. Преимущественная фиксация крестов в слоях, связанных с третьим строительным периодом вполне объяснима, поскольку отражает финальный этап функционирования комплекса.

Все находки металлических крестов могут быть разделены на пять типологических групп, выделяемых на основе материала, технологии изготовления, орнаментации и способа крепления.

Первая группа наиболее многочисленна и объединяет в себе кресты и их фрагменты, выполненные из железа (рис. 5.2-5.5: 210, 211, 214, 218, 219, 220, 225, 228, 229, 237, 238, 239, 241, 242, 243, 244, 245, 248, 253). Они традиционно изготавливались из двух пластин, соединенных преимущественно заклёпкой, размещённой в средокрестии. Ширина пластин, из которых изготавливались кресты: 0,5-0,8 / 1,2-1,5 см, размеры сохранившихся крестов 3,9-7,6×9,0-10,0 см. В ряде случаев можно наблюдать незначительное расширение ветвей креста, а также подтреугольно заострённые концы. Крест № 210 (рис. 5.5) несколько отличается от основной массы железных крестов своими пропорциями, близкими к 1:2 (2,65×5,9 см) и ярко выраженным расширением ветвей с подтреугольными завершениями. Конструктивной особенностью крестов являются заострённые нижние концы, иногда изогнутые в результате использования. Такие кресты могли крепиться к внутренним деревянным конструкциям здания или вставляться в расщелины между камнями кладки стен, тогда как загнутый

² Кресты были обнаружены в 2006 г., за год до начала систематических раскопок.

³ Детальную характеристику культурных слоев см. выше, в главе 2 «Стратиграфия и характеристика культурных отложений». По поводу интерпретации находок и реконструкции совершившихся здесь обрядов см. главу 14 «Литургические особенности храма».

конец, иногда рассматриваемый как «крюк», должен был служить для придания кресту вертикального положения в пространстве. Из крестов этой группы только три (рис. 5.2: 228, 229; 5.5: 211) могут быть отнесены к первому этапу функционирования храма, тогда как остальные принадлежат второму этапу, связанному с жизнью одноапсидного храма и начавшемуся в третьем строительном периоде. Отметим, что кресты, найденные в алтаре, представлены исключительно изделиями первой группы.

Ко второй группе относятся один целый и три фрагментированных креста из цветных металлов, предварительно определяемых как «белый металл» и медный сплав⁴. Кресты были вырезаны из тонкой металлической пластины, близкой по толщине к фольге, имели отверстие для подвешивания, с помощью которого они могли крепиться к стенам, малым архитектурным формам храмового интерьера или даже носиться в качестве предметов личного благочестия. Поскольку два креста (рис. 5.6: 206, 247) сильно фрагментированы, то способ их крепления определяется лишь предположительно. Обычно кресты украшены точечным пуансонным орнаментом (рис. 5.6: 206, 247, 256). Исключение составляет крест № 255 (3,15×3,05 см), происходящий из подъемного материала (рис. 5.6). Он существенно отличается от относительно целого, также случайно найденного креста, отнесенного нами к той же группе (№ 256, реконструируемые размеры 5,0×7,9 см) (рис. 5.6) по своим пропорциям, вписанными в окружность и подчеркнута расширяющимися ветвями с подтреугольными окончаниями. Возможно, кресты этой группы были более характерны для начального периода существования храма, хотя определённо к слоям этого времени относится лишь крест № 247.

К третьей группе относятся два креста, материалом для изготовления которых послужили серебряные монеты, что определило пропорции предметов, идеально вписанные в круг (рис. 5.6: 226, 249). Кресты из монет были найдены соответственно в предалтарном пространстве южного компартамента и снаружи храма, в 2,17 м к северо-востоку от его апсиды. Эти кресты были связаны с первым этапом функционирования церкви. Ветви крестов отличаются разнообразием в исполнении, некоторые из них расширяются, некоторые оставлены прямыми. Один из крестов вырезан из арабосасанидской полудрахмы второй половины VII – начала VIII в., являющейся подражанием сасанидской драхме Хосрова II (591-628) (рис. 5.6: 249), другой – из дирхема чеканки Омейядов (661-750) (рис. 5.6: 226). Пробитые отверстия свидетельствуют о возможности использования изделий в качестве привесок.

К четвёртой группе относятся два креста, сохранившиеся весьма фрагментарно (рис. 5.6: 205, 234) и относимые нами к третьему строительному периоду. Они изготовлены из двух тонких пластин «белого» металла,

скреплённых в средокрестии заклёпкой или шипом. Способ крепления крестов к гипотетической основе остается неизвестным, однако толщина пластин (0,02 см) предполагает скорее их подвешивание или иную фиксацию изделия на стене, по аналогии с крестами второй и третьей групп. Очевидно, эти кресты представляют собой своеобразный «технологический компромисс» между крестами первой и второй групп.

К пятой группе относится единственный экземпляр фрагментированного четырехконечного свинцового креста первого этапа жизни храма, вырезанного из пластины (сохранившиеся размеры – 0,5×1,45 см), способ крепления которого неопределим (рис. 5.6: 246).

Необходимо отметить, что кресты всех выше описанных групп не всегда различаются по характеру депозиции. Относящиеся к разным группам кресты в ряде случаев были найдены совместно, что позволяет предположить, что в пространстве храма они исполняли некую единую миссию, а разные их виды могли сосуществовать в ритуале, хотя некоторые «предпочтения» общины в разные периоды её существования, как кажется, очевидны. Кресты из железа были более характерны для финальной стадии церковной жизни, тогда как кресты, вырезанные из тонких пластин цветного металла и украшенные пуансонным орнаментом, представляются более древними.

Практически все находки, представленные в храме близ с. Семидворье, имеют определённые аналогии в Причерноморье и Средиземноморье, на Кавказе и на Балканах, в Малой Азии и в Подунавье, и даже в Восточной и Северной Европе на территории Древней Руси и в Скандинавии. Они представлены как в столичной, так и в провинциальной культуре. Общая сравнительная характеристика этих типологических и культурных параллелей представляется нам необходимым элементом в процессе интерпретации литургического содержания семидворских находок.

Обратимся к крестам первой группы. Одинаковый характер деформации нижних заострённых ветвей металлических крестов позволяет предположить, что они могли фиксироваться определённым образом на стенах храма или на внутренних деревянных конструкциях и деталях храмового убранства. Общая морфология этих изделий, в частности, заострённая и удлинённая нижняя ветвь указывает, что они, скорее всего, обязаны своим происхождением традиции процессионных крестов христианской культуры, использовавшихся как в императорском ритуале, так и во время общегородских литаний и стационального богослужения. Очевидно, подобные кресты должны иметь отношение к индивидуальным ручным крестам, которые упоминаются в византийских письменных источниках X–XII вв. и известны в христианской иконографии начиная с VI в. как атрибуты мучеников. Определение характера взаимоотношений этих двух категорий предметов должно стать приоритетом настоящего исследования.

Необходимо отметить, что именно этот персональ-

⁴ Анализ химического состава металла не производился.

Рис. 5.2. Храм на холме Тузлук. Фрагменты железных крестов.
 214, 219, 220, 225 – слой № 5; 228, 229 – слой № 6; 218 – слой № 6-1; 239 – слой № 12а; 245 – слой № 12в.
 Fig. 5.2. Church on the Tuzluk hill. Fragments of iron ex-voto crosses.
 214, 219, 220, 225 – layer no 5; 228, 229 – layer no 6; 218 – layer no 6-1; 239 – layer no 12а; 245 – layer no 12в.

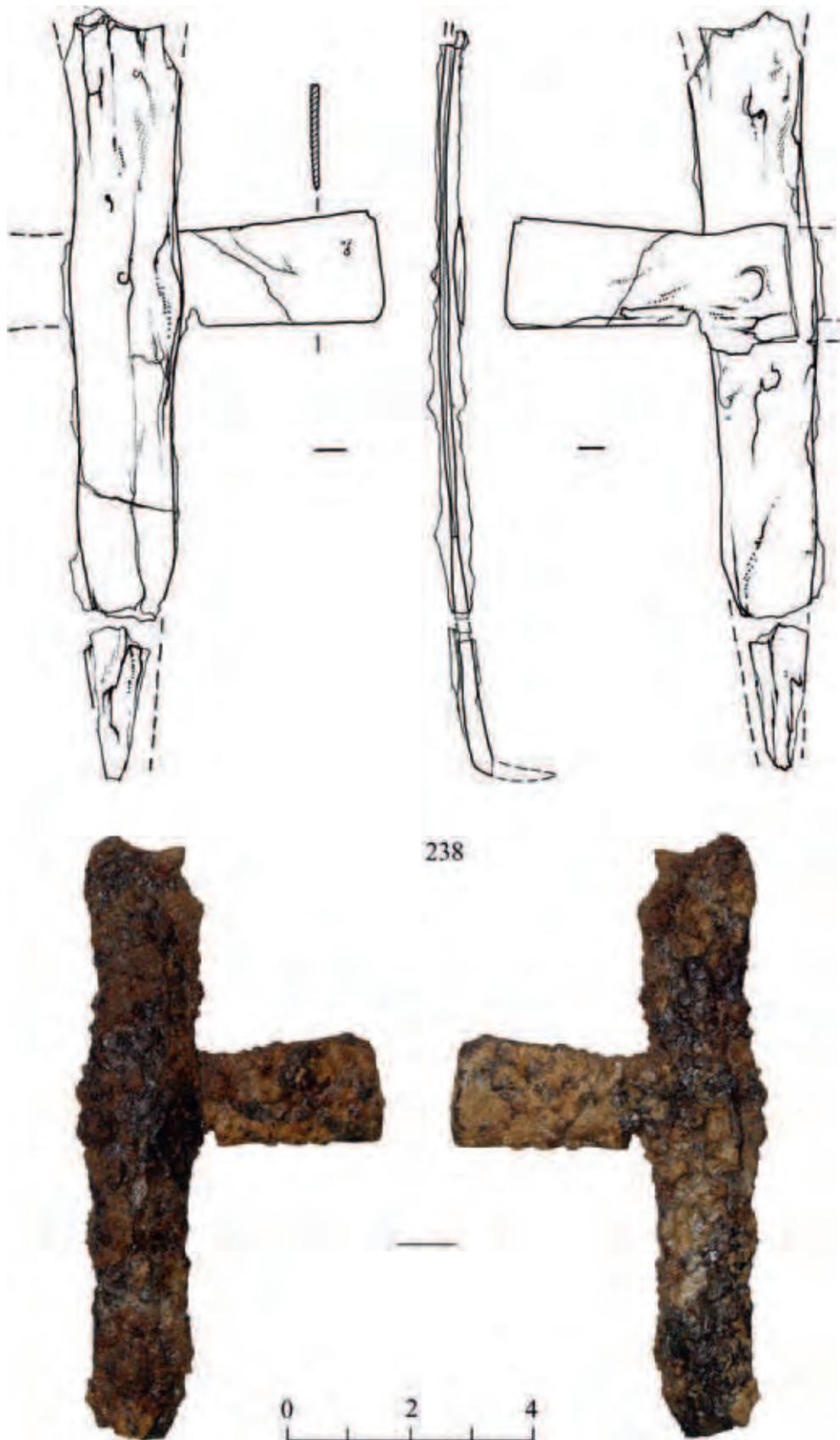

Рис. 5.3. Храм на холме Тузлук. Железный крест из заклада проёма между южным и северным компартиментами, слой № 12а.
Fig. 5.3. Church on the Tuzluk hill. Iron ex-voto cross found in the closing of doorway between northern and southern parts of the church in the third building period, layer no 12a.

ный аспект функционирования процессионных крестов малых форм оказывается наименее изученным в науке христианских древностей и в византиноведении (Ross 1964). Исследователей традиционно привлекали богато украшенные процессионные кресты, иногда именуемые запрестольными. Они изготавливались из благородных металлов и сплавов на основе меди, иногда имели золочение и вставки из драгоценных камней, могли украшаться подвесками, крепящимися к горизонтальной ветви и нести на себе чеканные или гравированные изображения. В большинстве своем это кресты средних и больших размеров. Их происхождение традиционно связывается с выносными крестами, использовавшимися в императорских ритуалах во время торжественного въезда в город – Adventus, общегородских процессиях (об этом ритуале см.: Дагрон 2010: 90 и след., 116-117) и во время военных компаний (Cotsonis 1994: 8-11, 14). Большинство известных исследователям экземпляров происходит из музейных коллекций. Эти кресты приобретались преимущественно на Ближнем Востоке, хотя некоторые из них продолжают пребывать в монастырских ризницах (Baumstark 1900; Weitzmann, Ševčenko 1963; Dodd 1987; Cotsonis 1994; Sandin 1995; Пескова, Строкова 2010; см. также: Lafontaine-Dosogne 1982: 173, № 16; Borkopp, Kahsnitz, Restle 1998: 65, №№ 61-67; Baratte, Caseau, Campagnelo-Pothitou 2011; ср.: Музей русской иконы (Москва, Россия): №№ ЧМ/ М–3; М–70; М–71; М–72). Отметим, что некоторые кресты определённо могут рассматриваться как votivные, о чем свидетельствуют сохранившиеся на них надписи, подтверждающие факт их вложения в ту или иную церковь или монастырь и сообщающие имена вкладчиков (Weitzmann, Ševčenko 1963; Cotsonis 1994: 29, 32).

Несмотря на уверенное и всеми признаваемое отнесение истоков такой традиции к IV в., кресты, достоверно принадлежащие этой эпохе, нам не известны. К ранневизантийскому периоду VI–VII вв. в общей сложности может быть отнесено до двух десятков крестов, включая знаменитый крест императора Юстина II (565-578) из Музея Ватикана в Риме (рис. 5.7: 1). Крест, надёжно датированный по штампу временем ок. 547 г., всего один (Dodd 1987: 170, 178-179, fig. 1, 5). Он хранится в Национальном археологическом музее в Стамбуле, Турция (рис. 5.7: 5). Процессионные кресты, датирующиеся периодом не ранее X–XI вв., происходят из Болгарии (Тотев 2002) и Древней Руси (Смирнов 1975; Стерлигова 1996: 38, 142-148, №№ 11-12; Сукина 2003; Пекарська, Павлова 2004; Пескова, Строкова 2010; 2012: 160-180).

Среди крестов, которые по своим конструктивным особенностям должны быть отнесены к процессионным, известны и более скромные экземпляры, относимые преимущественно к средневизантийской эпохе. Статистические наблюдения об их количестве отсутствуют. Эти кресты, которые в большинстве случаев определённо относятся к индивидуальным, имеют меньшие размеры и чаще всего изготовлены из бронзы. Иногда они несут на себе гравированные изображения или циркуль-

ный орнамент, их концы могут быть украшены фигурными или парными каплевидными завершениями (см. напр.: *Христиане на Востоке...* 1998: 42-43, №№ 47-49; Manolev, Simovski 2000: № 29) (рис. 5.7: 2, 6). Такие предметы, не всегда имеющие надёжную археологическую привязку и датировку, в значительном количестве можно встретить в музейных коллекциях. Они известны как в Византии, так и на других территориях, находившихся под влиянием византийской культуры, например, в Болгарии (Атанасов 1991), где подобные находки включены в более надёжную хронологию. В Древней Руси они встречаются достаточно редко и по своим размерам должны быть сопоставлены с принадлежностями общественного богослужения: нам известны два археологических экземпляра, которые происходят из Киева (Пескова, Строкова 2010), и фрагмент еще одного бронзового креста с гравированной надписью, который является случайной находкой, сделанной в Старицком районе Тверской области в 2011 г. (ср.: Пуцко 2003, где под видом «византийско-русских богослужебных крестов» фигурируют конструктивно иные предметы).

Большая часть таких крестов относится исследователями к X–XI вв., т.е. к тому же «средневизантийскому периоду». Эта датировка дополнительно подтверждается сходством нанесенных на них гравированных («врезанных») изображений с иконографией крестов-реликвариев этого времени (Pitarakis 2006: 89, 94, 99, 103, 153, 156-157, fig. 63, 68, 70, 71, 87, 92-95; ср.: Дончева-Петкова 2011; *Меч и златник...* 2012: 173, № 421 и др.). Отнесение в ряде случаев подобных крестов малых размеров с рукоятями, приобретенных в Египте, к периоду VI–VII вв., вряд ли надёжно (*Христиане на Востоке...* 1998: 164, №№ 222-224) (рис. 5.7: 3, 4). Стоит обратить внимание на то, что такие предметы по своим конструктивным особенностям весьма близки к ручным крестам эфиопской литургической традиции, испытавшей серьёзное воздействие греческого богослужения. Здесь небольшие по размерам процессионные кресты с длинной рукоятью-основанием как для священников, так и для мирян, сохранились вплоть до настоящего времени, законсервировав в себе многие архаичные черты (Бакстон 2002: рис. 45-49; ср.: Vuxton 1970). Однако по данным археологии этот литургический атрибут появляется, например, в Фарасе, не ранее VIII–IX вв., тогда как его расцвет приходится на XI в. (Ratynski 1982: 223-282).

Наряду с вышеописанными бронзовыми крестами существуют и непритязательные железные экземпляры, подобные найденным в семидворском храме. Эти предметы происходят преимущественно из археологических раскопок. В отличие от описанных выше бронзовых крестов, они не несут на себе изображений, уступают им по мастерству исполнения и лишены орнаментации. Такие кресты не часто становились объектом исследования, хотя в литературе они уже успели получить несколько произвольное наименование крестов «византийско-кавказского типа» (см. напр.: Ложкин, Малахов 1996).

Как будет показано ниже, их топография, археологический контекст, география и хронология не вмещаются в заданные этим названием культурно-географические рамки.

Отметим ближайшие аналогии крестам первой группы из церкви у с. Семидворье. Подобные кресты неоднократно засвидетельствованы на памятниках Крыма. Железный крест известен в руинах храма № 6 середины IX в. на Тепсеньском городище (Майко 2002б: 140, 142, рис. 2; 2004: 248, рис. 140: 3, 6, 8, 10; отметим, что здесь же известны и другие металлические кресты, в том числе и иных типов) (рис. 5.8: 2, 3, 5, 7), на городище Кыз-Кермен (Белый, Назаров 1992: 141, рис. 17: 9-11; здесь известны несколько подобных крестов, склёпанных из двух пластин, наибольший из которых имеет размеры 15,5×11,0 см; кресты найдены на территории жилой усадьбы) (рис. 5.8: 8, 9, 10), в погребении № 23 грунтового некрополя Кордон-Оба, где был найден равноконечный кованый крест с отогнутой нижней ветвью (Баранов 1990: 128, 129, рис. 48: 13; автор, отмечая, что одна из ветвей креста была загнута, полагал, что «порча крестов могла иметь ритуальное значение, смысл которого сводился к “обезвреживанию” чуждого язычникам христианского культа»). Существует информация, что там же на поселении в слое пожара вместе с керамикой второй половины IX–X в. был найден еще один железный крест. На г. Пахкал-Кая к юго-западу от одноапсидного храма VIII/X–XIII вв. также обнаружены кресты из железа и свинца, один из которых по своим пропорциям весьма близок к экземпляру из Семидворья (рис. 5.5: 210) (Лысенко 2011: рис. 1: 15) (рис. 5.8: 11). Похожие кресты были обнаружены при раскопках на г. Пампук-Кая (рис. 5.8: 4) и на поселении у с. Бобровка (Якобсон 1970: 80, 81, 121-123, 143, 144-145, рис. 43: 8, 95: 7), где они датируются VIII/IX–XIII вв.

Этим список крымских находок не исчерпывается. При раскопках трудно стратифицируемых остатков трёх последовательно существовавших христианских храмов (VIII–IX, X–XII, XV–XVI вв.) на месте античного святилища у перевала Гурзуфское Седло было найдено 14 пластинчатых крестов из железа и 5 крестов, созданных путем наложения бронзовых полос друг на друга, которые автор раскопок датирует преимущественно VIII–IX вв. (Новиченкова 2005: 17). Эти находки остаются неопубликованными. Исследования культового комплекса на вершине г. Эклези-Бурун (верхнее плато Чатыр-Дага), функционировавшего от римского времени до эпохи позднего средневековья и включавшего в себя, судя по топониму, христианский храм, позволили выявить не менее 10 крестов из железа. Часть из них изготовлена из двух склёпанных, расширяющихся к краям пластин, и имела удлиненную нижнюю ветвь (Лысенко, Тесленко 2006: л. 233, рис. 35: №№ 97-104, 121).

Отметим также, что в склепе № 771 Скалистинского могильника под одной из погребальных колод VIII–IX вв. был найден фрагментированный железный крест, который предположительно относится к тому же типу

(Веймарн, Айбабин 1993: 161, 162, рис. 121: 8; Хайрединова 2007: 152, 154, 155, рис. 1: 5, 2: 7; Khairedinova 2012: 419, 421, 422, fig. 2: 5; 3: 7) (рис. 5.8: 6). В склепе № 220 на склоне городища Эски-Кермен вместе с вещами VII–IX вв. был найден похожий крест, особенностью которого является загнутое петлей окончание одной из ветвей (Хайрединова 2007: 152, 154, 155, рис. 1: 7, 2: 8; Khairedinova 2012: 419, 421, 422, fig. 2: 7; 3: 8) (рис. 5.8: 1). Э.А. Хайрединова относит такие кресты к 3-му варианту типа 1 своей типологии («пластинчатые железные кресты с равными прямоугольными в сечении концами», 700-800-е гг.) (Хайрединова 2007: 155; ср.: Khairedinova 2012: 419, где эти кресты отнесены ко 2-му варианту 1 типа).

Возможно, одной из самых поздних находок крестов этого типа является крупный железный крест из некрополя Судак – IX. В.В. Майко считает возможным связать его с наверхшим посоха. Крест был найден в полуразрушенной грунтовой могиле № 46 вместе с татаро-генуэзским аспром 1421-1435 гг., чеканенным при хане Давлете-Берди (Майко 2007: 197, рис. 127). По мнению А.И. Айбабина, могильник в целом может быть датирован XIII–XIV вв. (Айбабин 2003: 81), что совпадает с известной нам хронологией железных крестов на других памятниках. Однако нельзя исключить возможность более длительного использования таких крестов в рассматриваемом регионе. В конкретном погребении (Майко 2007: рис. 126: 3) крест был использован как специфический атрибут погребального обряда, известного как в Константинополе (Toksoy 2007: 233, res. 6), так и в Европе (о крестах, в том числе и процессионных, в погребениях см. ниже).

Подобные находки в большом количестве известны в Закавказье и на Северном Кавказе. Кресты XI–XII вв., близкие по форме находкам из Семидворья, происходят из крепости Анакопии (Трапш 1961: 277, 278, рис. 13: 17) и Цандрипшской базилики в Абхазии (Хрушкова 2002: 184, 185, рис. 61) (рис. 5.9: 2). Известны такие находки и на Северном Кавказе, в частности на городище Верхний Джулат (с. Эльхотово, Кировский район, Республика Алания – Северная Осетия, Россия), где в заполнении церкви № 1 (XII–XIII вв.) было открыто 7 подобных крестов (раскопки О. Милорадович, 1959 г., все кресты находились вместе и, возможно, были помещены в глиняный сосуд, обломки которого сохранились, см.: Крупнов 1963: 56, рис. 6: 1, 2) (рис. 5.9: 3, 4, 6, 7), на городище Нижний Джулат (г. Майский, Майский район, Кабардино-Балкарская Республика, Россия; раскопки Г.И. Ионе, 1962 г.) (рис. 5.9: 1), на городище Ильич (Отраденский район, Краснодарский край, Россия) и в его окрестностях: на хуторе на р. Кува (рис. 5.9: 10, 11), в руинах церкви № 1 городища Ильич (рис. 5.9: 9), по углам предполагаемой алтарной преграды часовни на «Первом окне» того же городища (рис. 5.9: 5), у станицы Передовой (рис. 5.9: 8), в часовне на скале «Барабан» (рис. 5.9: 12), в урочище «Длинный шпиль» (рис. 5.9: 13). Есть информация о находках подобных крестов в

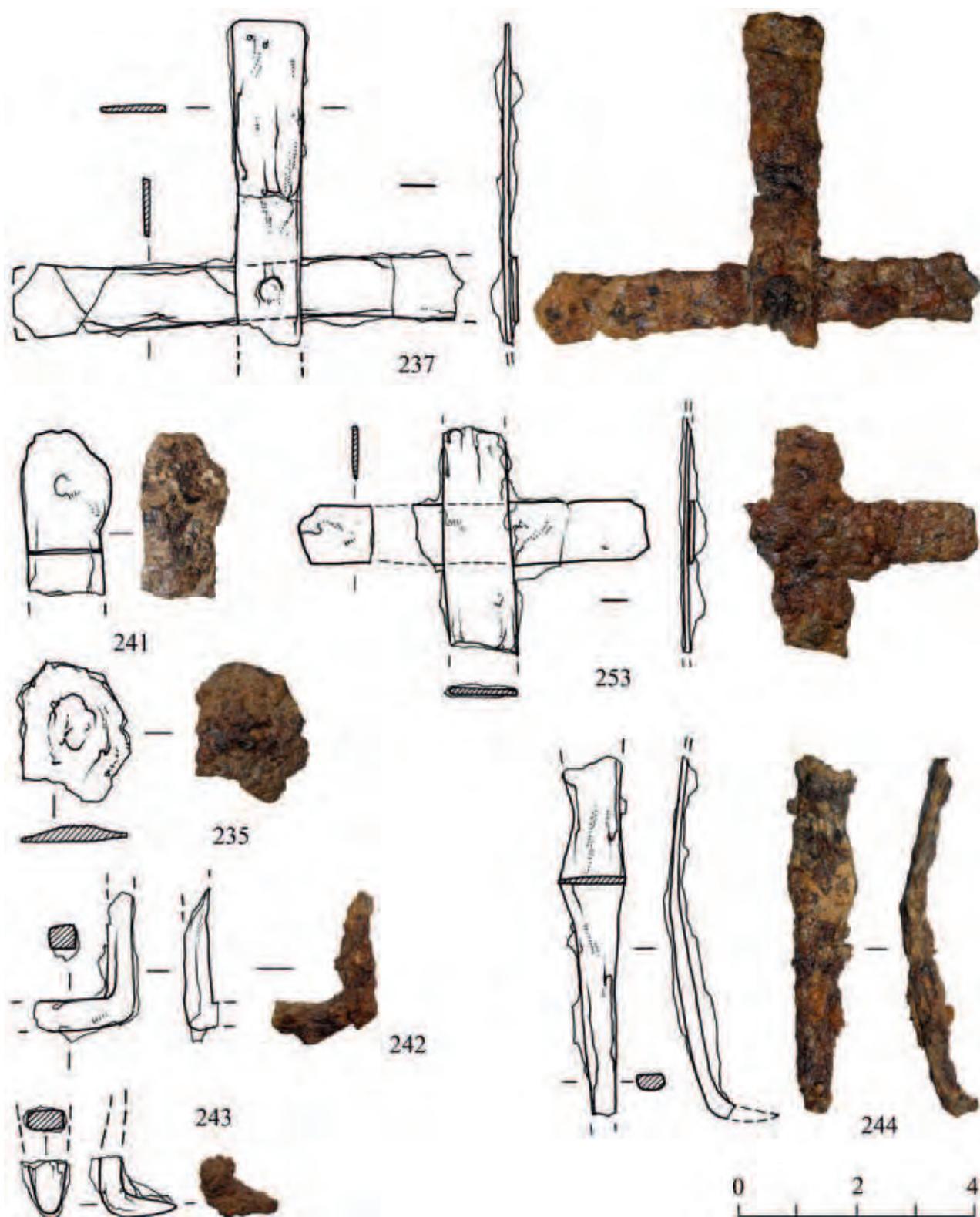

Рис. 5.4. Храм на холме Тузлух. Фрагменты железных крестов.

237 – слой № 12а в закладе проёма между южным и северным компартаментами; 241 – слой № 12а; 242 – слой № 12б; 243 – слой № 12в; 244 – слой № 12; 253 – поверхность материка у кладки апсиды.

Fig. 5.4. Church on the Tuzluk hill. Fragments of iron ex-voto crosses.

237 – layer no 12a, closing of doorway between northern and southern parts of the church; 241 – layer no 12a; 242 – layer no 12b; 243 – layer no 12v; 244 – layer no 12; 253 – surface of natural near apses.

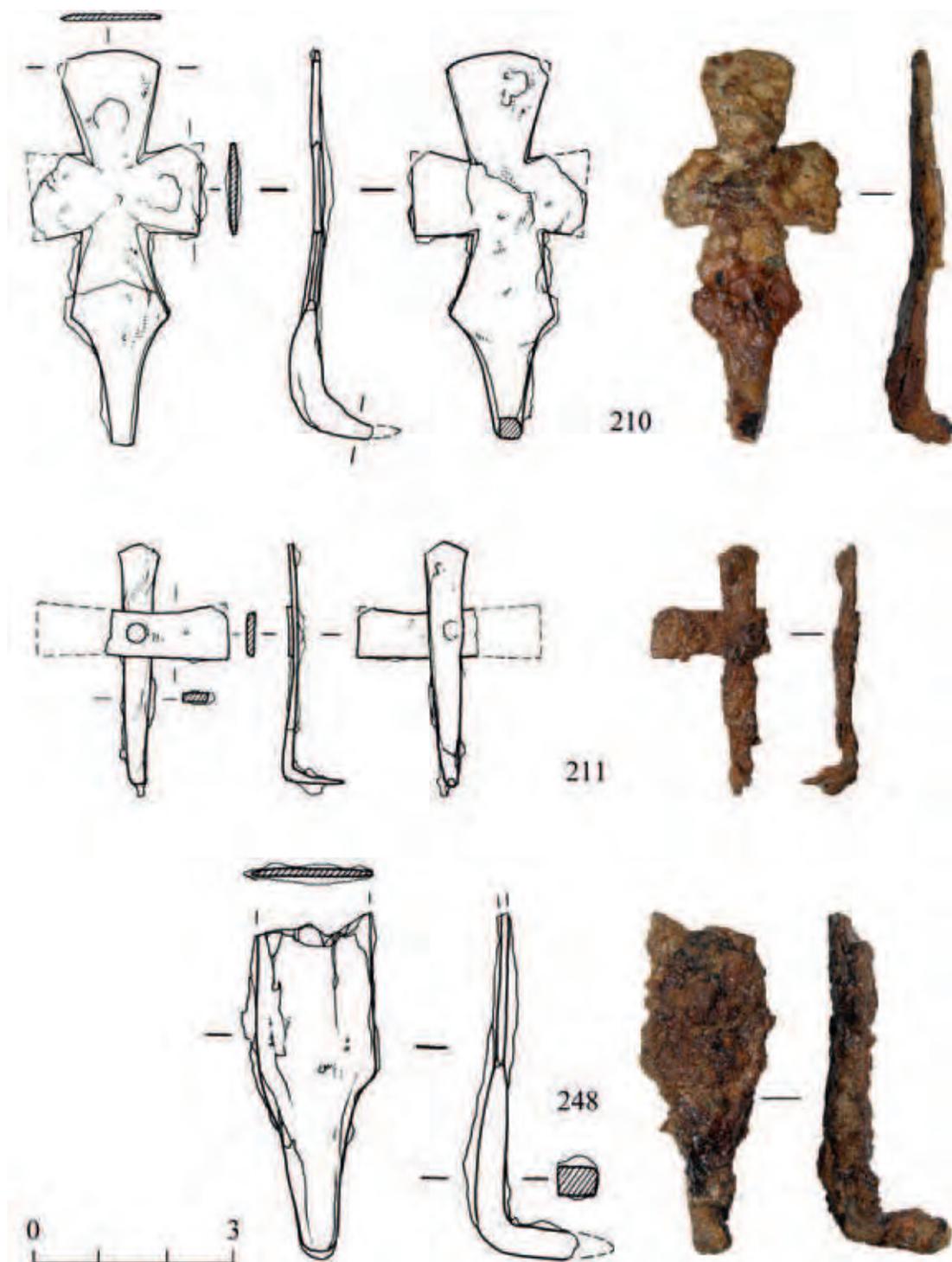

Рис. 5.5. Храм на холме Тузлук. Фрагменты железных крестов.
210 – слой № 4; 211 – слой № 6-1; 248 – поверхность материка у кладки апсиды (слой № 13 [?]).

Fig. 5.5. Church on the Tuzluk hill. Fragments of iron ex-voto crosses.

210 – layer no 4; 211 – layer no 6-1; 248 – surface of natural near apses (layer no 13 [?]).

Маджарах. В собрании Краснодарского Государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына хранится еще ряд железных крестов, происхождение которых неизвестно (рис. 5.10: 2, 3, 4, 5, 6).

Известны и другие находки. На городище Нижний

Архыз в двухкамерном помещении были обнаружены железные кресты, как склепанные из двух половинок, так и вырезанные из цельного листа металла, которые исследователи относят к более позднему времени – XIII–XIV вв. (Кузнецов 1993: 103, рис. 81). Похожие металлические кресты были найдены при раскопках

церкви городища Гиляч в верховьях Кубани, из алтарного пространства которой происходят два креста IX–XI вв. «из железных пластинок» (15 см), у одного из которых перекрестие скреплено «гвоздиком» (Минаева 1951: 293, 294, рис. 22: 8). На ингушском святилище Эрзели XII–XIII вв. (Джейрахско-Ассинский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, с. Эрзи, Джейрахский район, Республика Ингушетия) тоже было выявлено несколько подобных крестов (Крупнов 1971: 44, 45, 112, 196, рис. 5) (рис. 5.9: 14, 15, 16, 17). Изображение близкого по форме креста, найденного на Кавказе, в Самтавро (г. Мцхета, Грузия), поступило в конце XIX в. в архив Императорской Археологической Комиссии в Петербурге (ФО НА ИИМК РАН, Q 505/5).

В ряде случаев концы этих крестов имели закруглённую форму, что несколько отличает их от семидворских находок (Ложкин, Малахов 1996; Кузнецов 2002: 80, рис. 3: 3, 10: 2, 22: 7, 38: 1-4). Однако такая морфологическая особенность не является исключительно местным явлением: округлые завершения концов процессионных крестов известны и среди памятников Греции, в частности, в Коринфе (Davidson 1952: 198, pl. 90: 1505) (рис. 5.10: 11).

В связи с железными крестами, происходящими из церковных руин на Северном Кавказе, было высказано предположение, что они «использовались не столько для литургических потребностей, сколько с целью вотивного подношения (ex voto), и приносились в церковь (действующую или уже заброшенную) прихожанами» (Ложкин, Малахов 1996: 204). Исследователи предполагают, что подобная практика в алано-адыгейской этнической среде трансформировалась в «полуязыческий культ», где концентрация крестов в предалтарной части должна была отражать традиционные представления местного населения о священном жертвенном месте в пространстве храма. Для крестов, найденных в этом регионе, авторы не исключают и возможность иной функциональной принадлежности: подношение святым покровителям, украшение алтарной преграды, увенчание кровли храма...

В связи с приведённым обзором отметим, что предлагаемая в ряде случаев датировка таких крестов – не ранее рубежа XII/XIII–XV вв., что обычно связывается со временем запустения храмов (Ложкин, Малахов 1996: 205, 208), представляется нам существенно омолаживающей это культурное явление. Впрочем, авторы не исключают, что местное производство таких крестов «по византийским прототипам», заимствованным непосредственно из Константинополя, могло начаться еще в X в., т.е. относится ко времени основания Аланской епархии. Дополнительно напомним, что в Северном Зеленчукском храме был найден фрагмент бронзового креста с фигурным оформлением ветвей, который нес на себе греческую вкладную надпись, датированную 1067 г. (Кузнецов 2002: рис. 10: 1). Несомненно, крест принадлежит к подобной серии вотивных предметов,

однако датируется более ранним временем.

На территории Византийской империи и на Балканах в сравнимом археологическом контексте средневизантийской эпохи, наряду с бронзовыми фигурными орнаментированными экземплярами весьма часто встречаются и интересующие нас железные кресты, а также, что следует особо отметить, кресты других типов, в том числе нательные кресты и кресты-реликварии. Подобная сопоставимость таких культовых предметов, как и в случае с разнообразием групп крестов, выделенных нами в материалах семидворского храма, свидетельствует в пользу единства их культурной и литургической функции в храмовом контексте.

Кресты из железа X–XIII вв., как с заострённым, так и со втульчатым основанием, известны на Балканах в целом (Марјановић-Бујовић 1987: 59, № 78), в Велесе (Manolev, Simovski 2000: № 22) и в Стрежево Кале на территории бывшей югославской республики Македония (Mikulcic 2002: 281, fig. 176: 1) (рис. 5.10: 1), и в Болгарии (Красен, Добруджа, Силистра, Средише, Дядово; Атанасов 1991; Йотов 2004: 80, 83, обр. 39, таб. 44: 456, 457; Григоров 2010: 177, 328, таб. 26: I: 634; Borisov, Katinčarov, Best, Fol 1989: 276, fig. 322) (рис. 5.10: 7, 13). Такие кресты встречаются и на великоморавском городище второй половины IX в. Микутьнице в Чехии (Poláček 2012: 116, Abb. 4: 5). Насколько нам известно, самой западной точкой в Европе, где зафиксированы подобные кресты, является Нейштадт-на-Дунае (Келхайм, Нижняя Бавария, ФРГ), где на развалинах античных строений в VIII–IX вв. была возведена одноапсидная церковь, с которой и возможно связать эти находки (Nuber 1980; 2010: 22, 23, Abb. 4: 7, 11-13) (рис. 5.10: 9, 10).

Железные и бронзовые экземпляры крестов из раскопок церковных строений известны и на основной территории Византийской империи. Они происходят из Коринфа (Davidson 1952: 198, pl. 90: 1505, 1506) (рис. 5.10: 11), Мерсины - Юмуктепе-Хойук (Köroğlu 2002a: 18, fig. 1; cf. Köroğlu 2002b), базилики Перинта во Фракии (Pitarakis 2006: 129, fig. 80), базилики в Ассосе (Arslan, Arslan-Böhendorf, Türk, Koçuyigit, Müller 2011: 247, res. 8). Металлические кресты, как и кресты из бронзы с гравированными изображениями, были обнаружены при раскопках византийской церкви XII–XIII вв. в Пергаме (Radt 1990a: 406-407, Abb. 7, 8; 1990b: 206, res. 4, 5) (рис. 5.10: 12).

Однако наиболее близкими во всех отношениях к памятнику у с. Семидворье, не исключая и архитектурные особенности, являются материалы двухапсидного храмового комплекса X–XI вв. на городище Богазкой (Хаттуса) в центральной Анатолии на берегу реки Кызыльрмак восточнее Анкары, где в заполнении руин церковных построек и окружающих их монастырских строений было найдено 72 креста различных типов. В этой коллекции есть процессионные и нательные кресты, а также кресты-реликварии, которые также происходят из храмового пространства (Neve 1983: 433-436; 1984: 329-343; 1985; 1991; Böhendorf-Arslan 2012: 354,

355, 356, 357, 358, Abb. 3, 4, 6)⁵.

Необходимо отметить, что, несмотря на разнообразие форм и присутствие в материалах раскопок высокохудожественных экземпляров, среди крестов из Богазкоя встречаются и простые железные кресты, склепанные из двух частей, которые полностью соответствуют крестам первой группы из храма в урочище Еди-Евлер (Böhlendorf-Arslan 2012: Abb. 4: 2, 4) (рис. 5.10: 8). Значительное количество крестов, около 35 экземпляров, было обнаружено с внутренней стороны северного входа в главную двухапсидную или «двойную» церковь, где также были найдены металлические накладки от ларца с изображением евангельских сцен и элементы книжной фурнитуры. Другие сосредоточения этих крестов отмечены в алтарных частях северной и южной церквей. Семь крестов, размерами от 14 до 22 см, изготовленных из бронзы и железа в различной технике, были найдены в апсиде кладбищенской часовни, расположенной к югу от «двойной церкви». Лишь в редких случаях кресты были найдены в жилых помещениях, окружавших церковные здания (Böhlendorf-Arslan 2012: 355, 356, 357, 364, 366-367, Abb. 4, 6, 7).

Исследователи памятника не решаются прийти к окончательному мнению, были ли эти кресты сложены в местах их концентрации в какой-то момент времени, связанный с богослужебными потребностями или историческими условиями, или находились здесь постоянно в силу обрядовых требований. Так, скопление крестов в восточной части храма у алтаря, у дверей, их нахождение по периметру стен, по мнению Б. Белендорф-Арслан, могло быть связано с освящением церкви, во время которого эти предметы помещались здесь как реликвии. В ряде случаев, когда кресты можно связать с близлежащими могилами, можно говорить об их погребальных функциях (Böhlendorf-Arslan 2012: 359, 366).

Такая исследовательская позиция во многом связана с историей византийского поселения и монастыря в Богазкое. Считается, что резкое и, возможно, драматическое прекращение существования городища во второй половине – третьей четверти XI в., так или иначе связанное с сельджукским нашествием в Анатолию, привело к тому, что многие литургические и бытовые предметы были оставлены на своих обычных местах *in situ*. Это дало исследователям возможность зафиксировать одномоментный хронологический срез материальной культуры провинциального византийского поселения XI в. Таким образом, церковные комплексы Богазкоя и Еди-Евлер и связанные с ними особенности религиозной и литургической жизни местной общины не только хронологически близки, что естественным образом диктует необходимость их сравнительного изучения, но и сам характер археологизации этих объектов позволяет

надеяться, что связанные с богослужением материалы обоих памятников достаточно полно сохранили особенности восточно-христианского благочестия, свойственные средневизантийскому периоду.

Дополнительно отметим, что к интересующему нас типу железных крестов примыкают кресты, свитые из проволоки, иногда достаточно толстой, которые зачастую происходят из аналогичного археологического контекста, связанного с церковными комплексами. В Крыму они известны благодаря исследованиям храмов на г. Пахкал-Кая (Лысенко 2011: рис. 1: 28, 29) (рис. 5.11: 4, 5), на вершине г. Ай-Петри (Турова 2012: 133, 135, рис. 3) (рис. 5.11: 1, 2, 3), в трёхапсидном храме на г. Пампук-Кая, перестроенном в IX в. (Якобсон 1970: рис. 95: 6) (рис. 5.11: 8). Известны они и в Херсонесе (Якобсон 1964: 70). Двадцать целых и фрагментированных крестов из железного прута зафиксированы при раскопках христианских храмов VIII–XII вв. у перевала Гурзуфское Седло (Новиченкова 2005: 17), которые, к сожалению, остаются неопубликованными.

Подобные находки известны в Анакопии в Абхазии (Трапш 1961: 277, 278, рис. 13: 16) (рис. 5.11: 6). Кресты из проволоки XI–XIII вв., как аналогичные крымским находкам, так и более миниатюрные, возможно, использовавшиеся как подвески, известны в Болгарии (Красен, Скала, Дядово) (рис. 5.11: 9, 10, 11) и в Малой Азии (рис. 5.11: 7), в том числе и на уже известном нам городище Богазкой (Borisov, Katinčarov, Best, Fol 1989: 277, fig. 323; Йотов, Атанасов 1998: 296, таб. 97: 300-303; Григоров 2010: 175, 179, 186, 328, таб. 26: I: 611, 661, 751; Дончева-Петкова 2011: 197-198 [тип 1.4.1], 427-429, 670-671, обр. 63, таб. 144-145, №№ 656-672; Moore 1993: 129, 146, fig. 62: 60, 61; Böhlendorf-Arslan 2012: 365, Abb. 13: 19). Подобные кресты известны в погребениях и жилых комплексах поселения Зейтинли-Бахче – древней Эдессы в провинции Шанлыурфа, Турция, на восточном берегу р. Ефрат, однако автор исследования в силу общих соображений о хронологии памятника предпочитает их датировать ранневизантийским временем (Dell'Era 2012: 404, 405, fig. 12: e, g).

Широкое распространение преимущественно в средневизантийский период крестов, которые, как мы постарались показать выше, по своим конструктивным особенностям и происхождению могут быть отнесены к разряду процессионных, а по размерам и характеру оформления могут быть отнесены к персональным, имеет свое объяснение. Мы уже отмечали, что эти кресты использовались во время богослужебных литаний еще в эпоху поздней Античности (см. также: Sandin 1995: 81-86), что, вероятно, способствовало широкому распространению традиции ручных крестов. Однако это не объясняет ни сам факт «взрывообразного» распространения индивидуальных крестов в X–XI вв., ни причины их массового появления в качестве депозитов в храмах этого времени.

Стоит ли полагать, что археология лишь зафиксировала банальную ситуацию, в которой эти процес-

⁵ Подробнее об этом храме см. в главе 14 «Литургические особенности храма». В настоящее время византийский комплекс находок из раскопок в Богазкой готовится к публикации д-р Б. Белендорф-Арслан (Dr. Beate Böhlendorf-Arslan, Römisch-Germanisches Zentralmuseum), которую авторы благодарят за любезные консультации.

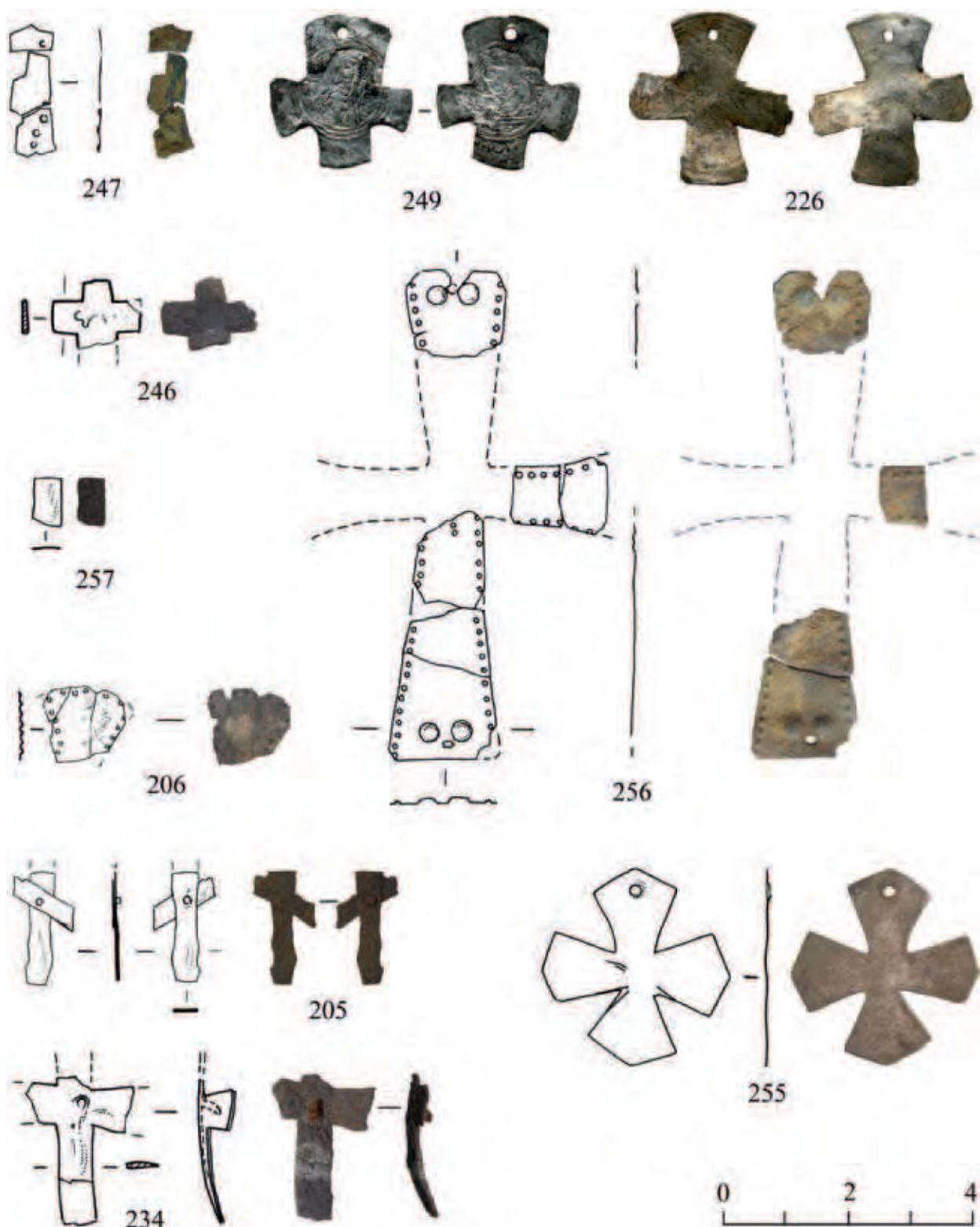

Рис. 5.6. Храм на холме Тузлук. Фрагменты металлических крестов.

205, 206 – «белый металл», слой № 2; 226 – арабский дирхем, слой № 6; 234 – «белый металл», слой № 12а;
 246 (свинец), 247 (медный сплав), 249 (имитация арабо-сасанидской полудрахмы) – слой № 13;
 255 («белый металл»), 256 (медный сплав), 257 («белый металл») – подъёмный материал.

Fig. 5.6. Church on the Tuzluk hill. Fragments of metallic ex-voto crosses.

205, 206 – non ferrous “white” metal, layer no 2; 226 – silver coin, Umayyad dirham, layer no 6; 234 – non ferrous “white” metal, layer no 12a; 246 (lead), 247 (copper alloy), 249 (silver coin, imitation of Arab-Sassanian half-drachma) – layer no 13; 255 (non ferrous “white” metal), 256 (copper alloy), 257 (non ferrous “white” metal) – stray finds.

сионные кресты индивидуального характера должны были храниться в церквях во внебогослужбное время? Это предположение кажется нам маловероятным, хотя письменные источники, описывающие инвентарь византийских монастырей XI в., определенно говорят сразу о нескольких крестах, находящихся в храме, как, например, это делает Диатакисис Михаила Атталиата (1077 г.), упоминая четыре серебряных позолоченных креста, предназначенных для праздника Входа Господня в Иерусалим (Успенский 1892: 37; Gautier 1981: 88-89; Talbot 2000: 356).

Выше, в связи с обзором находок, сделанных на Северном Кавказе, мы уже упоминали мнение о votivном характере этих предметов. Это направление исследования представляется нам перспективным, однако такая гипотеза требует развернутого обоснования. В данном случае представляется необходимым согласовать изначально процессионный характер этих крестов с их последующей трансформацией в храмовые вклады.

Обратимся к истории стационального богослужения. Литании, рудимент которых наши современники могут наблюдать в практике приходских и общегородских крестных ходов, составляли яркую особенность общинного богослужения позднеантичного и византийского полиса (об этом см.: Baldovin 1987). Особенностью таких богослужений была их «пространственная протяженность»: литургия начиналась общиной в одной церкви, а затем процессия с пением проходила по городским улицам, делая остановки – *statio* – в традиционных местах, чтобы завершиться Евхаристией в другом храме, будь то главный городской собор или же церковь, отмечающая в этот день память своего посвящения, «престольный праздник» современной терминологии. Такие литании своим происхождением обязаны литургической практике Иерусалимской церкви. Очевидно, сам тип подобных процессий возник в связи с топографией Святого Града, позволявшей паломникам по-

Рис. 5.7. Процессионные и персональные кресты VI–XI вв. из драгоценных металлов и бронзы: 1 – процессионный крест императора Юстина II (565-578), серебро, позолота, драгоценные камни (высота – 40 см), Музеи Ватикана, Рим; 2 – процессионный крест, бронза, железо, XI в. (30,7×16,0 см), собрание ГЭ (по: *Христиане на Востоке...* 1998: № 48); 3 – персональный крест, бронза, Египет, VI–VII вв. (?) (размеры – 19,3×7,8 см) (по: *Христиане на Востоке...* 1998: № 224); 4 – персональный крест, бронза, Египет, VI–VII вв. (?) (размеры – 15,2×8,0 см) (по: *Христиане на Востоке...* 1998: № 223); 5 – процессионный крест, серебро, ок. 547 г. (размеры – 58,0×31,0 см), Археологический музей, Стамбул, Турция (по: Dodd 1987: fig. 1); 6 – процессионный крест с изображением свв. Никифора и Никиты, бронза, гравировка, XI в. (размеры – 14,2×6,0 см), собрание ГЭ (по: *Христиане на Востоке...* № 47).

Fig. 5.7. Public and individual processional crosses, 6th-11th centuries.

1 – cross of the Emperor Justin II, Rome; 2 – bronze cross, without provenance, Hermitage collection, St Petersburg; 3 – bronze cross, Egypt (?), Hermitage collection, St Petersburg; 4 – bronze cross, Egypt (?), Hermitage collection, St Petersburg; 5 – silver cross, Archaeological museum, Istanbul; 6 – bronze cross, Hermitage collection, St Petersburg.

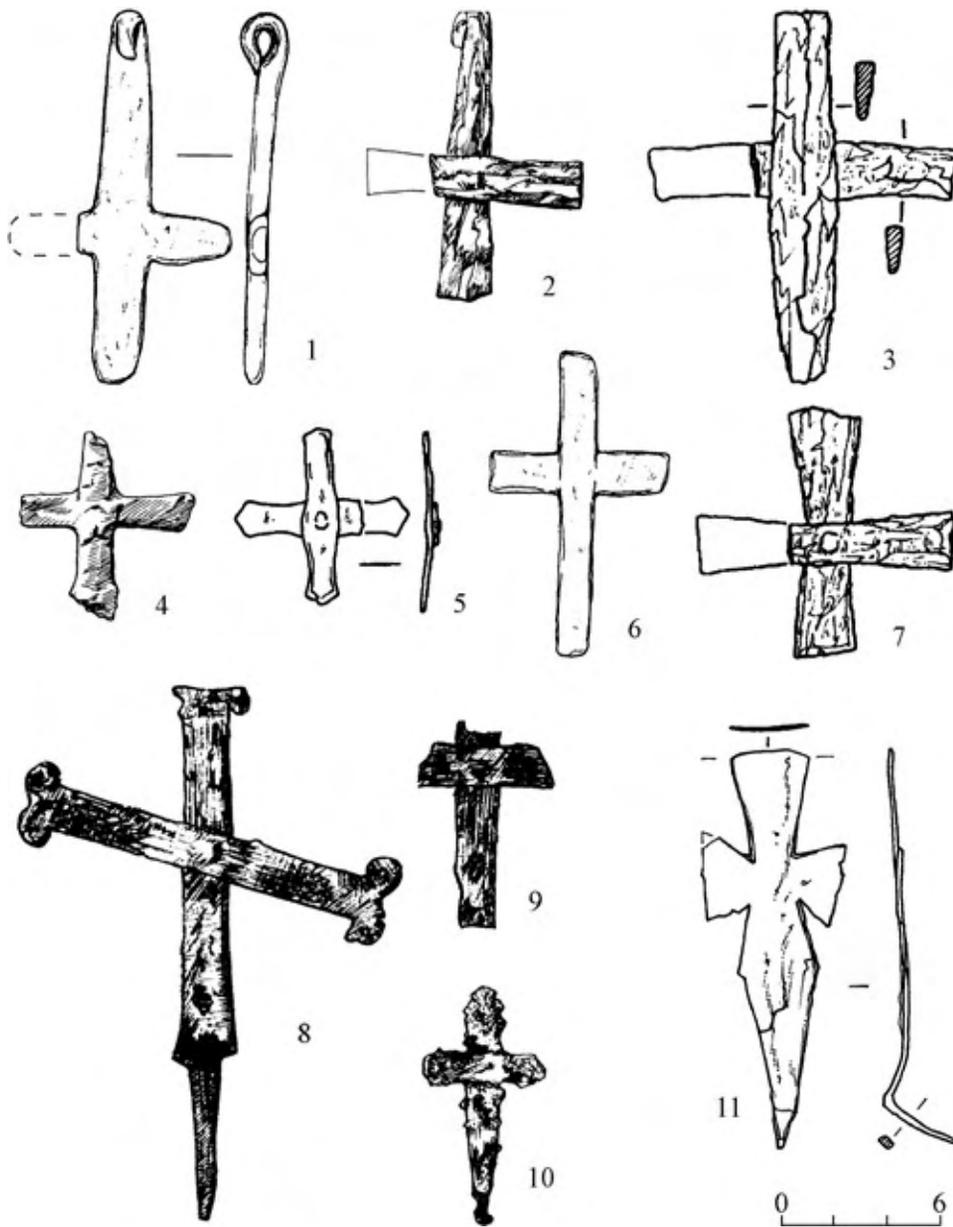

Рис. 5.8. Железные кресты, найденные на памятниках Крыма, X–XIII вв.

1 – крест из склепа № 220 городища Эски-Кермен (по: Хайрединова 2007: рис. 2: 8); 2, 3, 5, 7 – кресты с городища Тепсень (по: Майко 2004: рис. 140); 4 – крест с городища Пампук-Кая (по: Якобсон 1970: рис. 95); 6 – крест из склепа № 771 Скалистинского могильника (по: Хайрединова 2007: рис. 2: 7); 8, 9, 10 – кресты с городища Кыз-Кермен (по: Белый, Назаров 1992: рис. 17: 9-11); 11 – крест с г. Пахкал-Кая (по: Лысенко 2011: рис. 1: 15).

Fig. 5.8. Iron ex-voto crosses found in Crimea, 10th-13th centuries.

1 – Eski-Kermen; 2, 3, 5, 7 – Tepsen; 4 – Pampuk-Kaya; 6 – Skalistoe medieval cemetery; 8, 9, 10 – Kyz-Kermen; 11 – Pahkal-Kaya.

следовательно посещать места Евангельских событий. Именно такие процессии описаны около 383 г. в древнейшем свидетельстве о практике богослужения в Иерусалиме, оставленном паломницей Этерией (*Паломничество... 1889; Itinerarium Aetherie 1948; 1982; Egeria's travels 1981*).

Появление литаний в Константинополе связывается источниками со свт. Иоанном Златоустом (397-404), который, согласно информации авторов V в., вводит за

ночными богослужениями антифонное пение, сопровождавшееся «ношением серебряных крестов при свете восковых свечей» (Socr. VI, 8; Soz. VIII, 8; рус. пер. см.: Сократ Схоластик 1850; Эрмий Созомен 1850). Появление литаний и крестов в константинопольском чине по инициативе свт. Иоанна Златоуста, выходца их Антиохии, вполне определённо указывает нам источник такой литургической новации в столице Империи – сиропалестинский регион. По имеющимся источникам затруднительно проследить, насколько широко была распространена эта традиция и предполагала ли она использование индивидуальных ручных крестов, хотя появление изображений святых мучеников с крестами в руках уже в VI в. должно свидетельствовать, на наш взгляд, в пользу гипотезы об их раннем распространении. Мученики с крестами в руках на иконах и храмовых росписях должны были мыслиться участниками торжественной процессии, шествующей в Царство Небесное, образом которой и были городские литании. Особенности этого богослужения, вне всякого сомнения, должны были повлиять на иконографию мучеников.

Показательно, однако, что к X в. количество крестов, единовременно употребляемых во время процессий, существенно увеличилось, о чем свидетельствуют как археологические, так и письменные источники. Патриарший типикон в Константинополе фиксирует для X в. раздачу сакелием – чиновником собора Святой Софии, ведавшим делами городских храмов – больших и малых серебряных крестов различным придворным чинам для совершения литаний (Дмитриевский 1901: 121; ср.: Скабалланович 1910: 329). Подобную практику

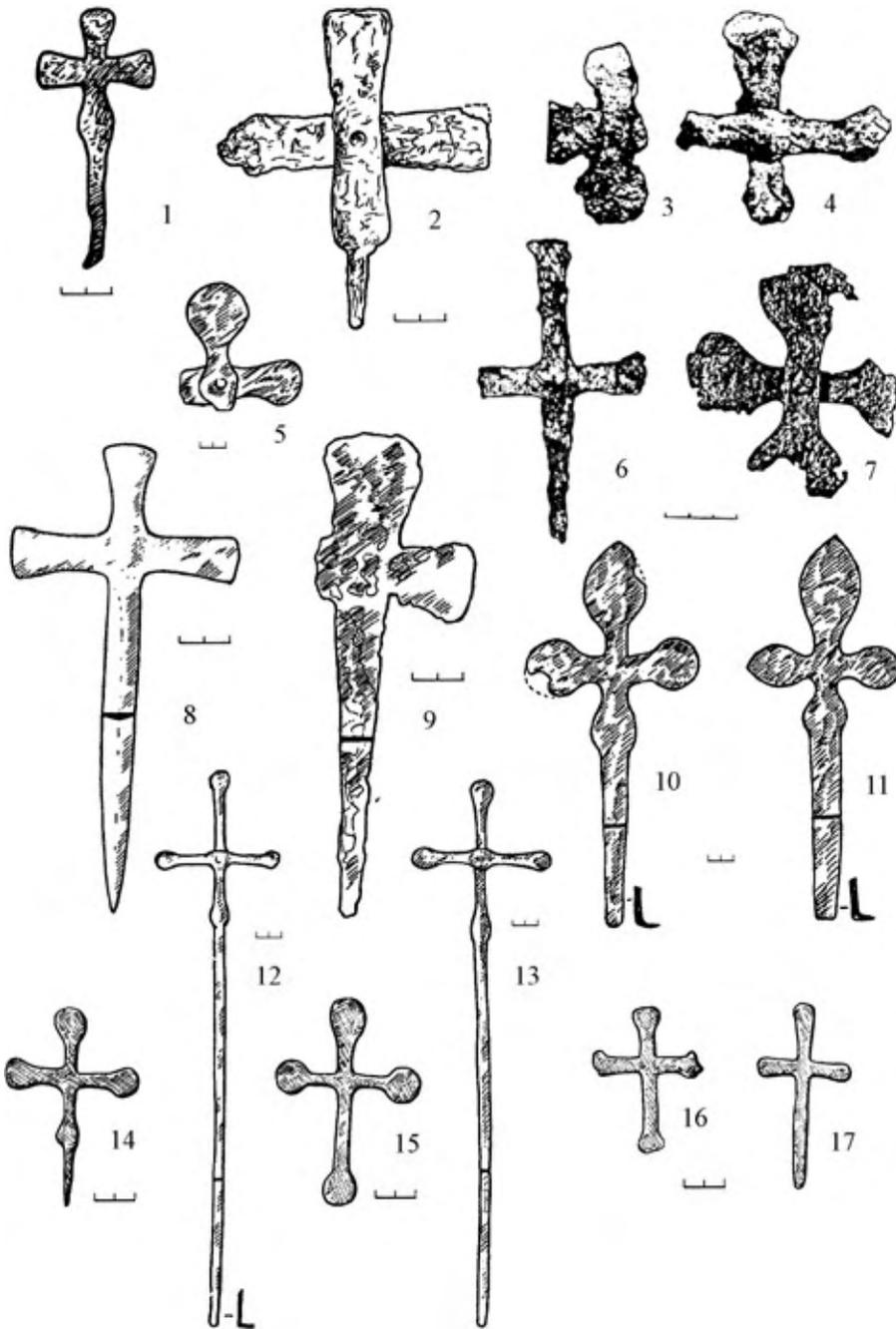

Рис. 5.9. Железные кресты, найденные на памятниках Северного Кавказа и Закавказья, X–XIII вв.

1 – крест с городища Нижний Джулат, Кабардино-Балкария (по: Кузнецов 2002: рис. 22: 7); 2 – крест из базилики Цандрипша, Абхазия (по: Хрушкова 2002: рис. 61); 3, 4, 6, 7 – кресты из церкви № 1, городище Верхний Джулат, Северная Осетия (по: Кузнецов 2002: рис. 38); 5 – крест из часовни на «Первом окне», городище Ильич, Краснодарский край (по: Ложкин, Малахов 1996: рис. 1: 2); 8 – крест из станицы Передовой близ городища Ильич, Краснодарский край (по: Ложкин, Малахов 1996: рис. 2: 1); 9 – крест из церкви № 1, городище Ильич, Краснодарский край (по: Ложкин, Малахов 1996: рис. 2: 3); 10, 11 – кресты с территории хутора на р. Кува близ городища Ильич, Краснодарский край (по: Ложкин, Малахов 1996: рис. 1: 1, 3); 12 – крест из часовни на скале «Барабан», городище Ильич, Краснодарский край (по: Ложкин, Малахов 1996: рис. 3: 2); 13 – крест из урочища «Длинный шпиль» близ городища Ильич, Краснодарский край (по: Ложкин, Малахов 1996: рис. 3: 1); 14, 15, 16, 17 – кресты из святилища Эрзели, Ингушетия (по: Крупнов 1971: рис. 44).

Fig. 5.9. Iron ex-voto crosses found in Northern Caucasus and Transcaucasia, 10th-13th centuries.

1 – Nizniy Dzhulat, Kabardino-Balkaria, Russia; 2 – Tsandripsh, Abkhazia; 3, 4, 6, 7 – Verkhniy Dzhulat, church no 1, Northern Ossetia – Alania, Russia; 5 – Ilich gorodishche, chapel, Krasnodar krai, Russia; 8 – Ilich gorodishche vicinity, Krasnodar krai, Russia; 9 – Ilich gorodishche, church no 1, Krasnodar krai, Russia; 10, 11 – Ilich gorodishche vicinity, Krasnodar krai, Russia; 12 – Ilich gorodishche, chapel, Krasnodar krai, Russia; 13 – Ilich gorodishche vicinity, Krasnodar krai, Russia; 14, 15, 16, 17 – Erseli pagan sanctuary, Ingushetia, Russia.

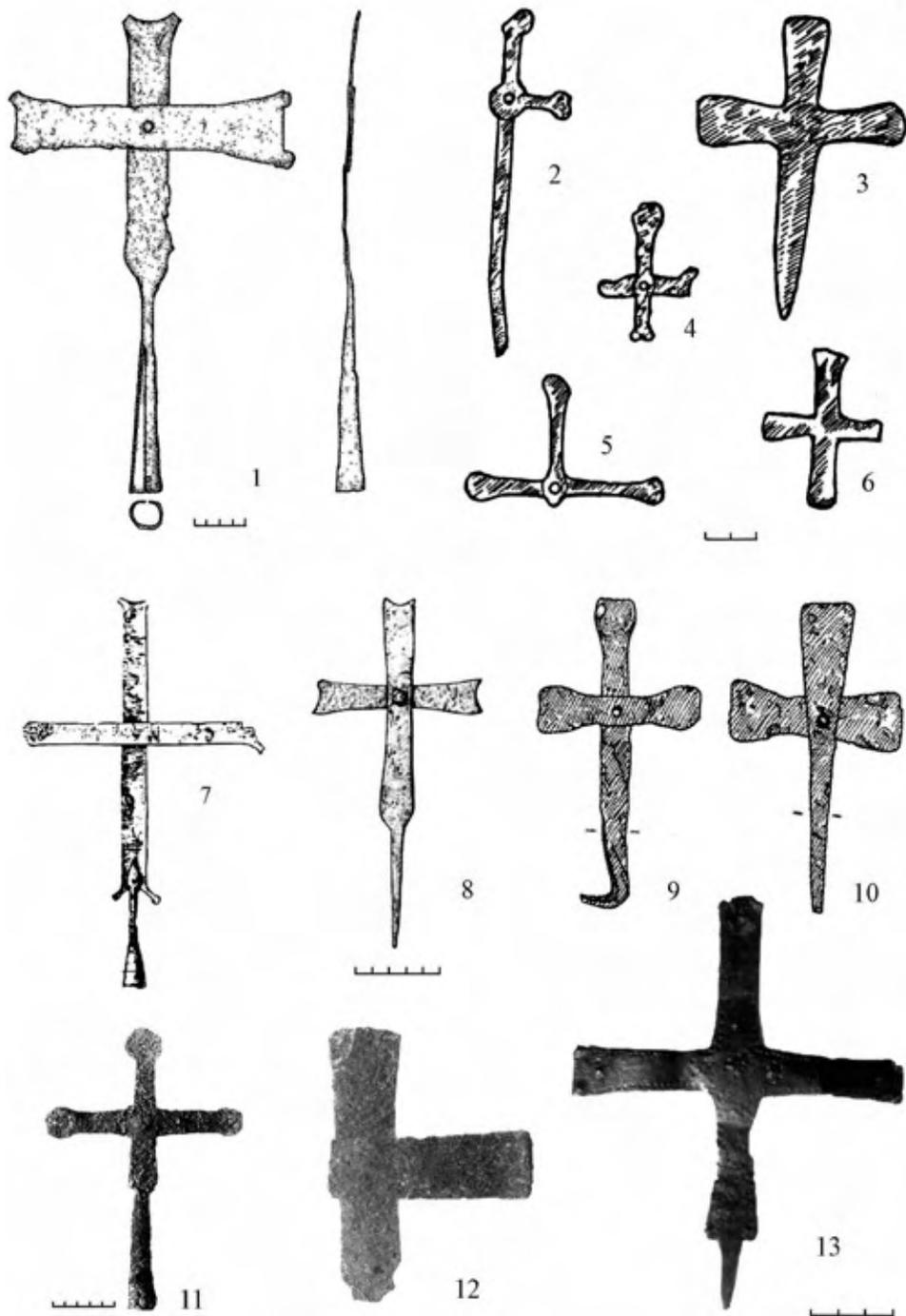

Рис. 5.10. Железные и металлические кресты, найденные на памятниках Северного Кавказа, Балкан, Подунавья и Малой Азии, X–XIII вв.

1 – крест из крепости Стрежево Кале, бывшая югославская республика Македония, железо (по: Mikulčić 2002: 281, fig. 176:1); 2, 3, 4, 5, 6 – кресты из собрания Краснодарского Государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына, железо (по: Ложкин, Малахов 1996: рис. 4); 7 – крест из крепости Средище, Болгария, железо (по: Йотов 2004: таб. 44: 456); 8 – крест из раскопок двухапсидного храма X–XI в. на городище Богазкой (Хаттуса), Турция, железо (по: Böhlendorf-Arslan 2012: Abb. 4:2); 9, 10 – кресты из раскопок церкви в Нейштадт-на-Дунае, Германия, железо (по: Nuber 2010: Abb. 4); 11 – крест из раскопок в Коринфе, Греция, железо (по: Davidson 1952: pl. 90: 1505); 12 – крест из раскопок храма в Пергаме, железо (по: Radt 1990a: Abb. 7); 13 – крест из крепости Красен, Болгария, железо (по: Григоров 2010: таб. 26: I: 634).

Fig. 5.10. Iron and metallic ex-voto and processional crosses found in Northern Caucasus, Balkans, Danube region and Asia Minor, 10th–13th centuries.

1 – Strezevo Kale, Former Yugoslav Republic of Macedonia; 2, 3, 4, 5, 6 – Northern Caucasus, stray finds, Krasnodar State historical and archaeological museum, Krasnodar, Russia; 7 – Sredishche, Bulgaria; 8 – Boğazköy, Turkey; 9, 10 – Neustadt an der Donau, Germany; 11 – Corinth, Greece; 12 – Pergam, Turkey; 13 – Krasen, Bulgaria.

отмечает и император Константин VII Багрянородный в середине того же столетия в «Ритуальнике» византийского двора (Constantine Porphyrogenitus 1829: 114, 161-162, 172-174). Возможно, эта традиция просуществовала вплоть до падения Константинополя в 1204 г. и впоследствии, в связи с распространением «Иерусалимского устава» палестинской Лавры прп. Саввы Освященного и осуществлением «неосавваитского синтеза» православного богослужения, была утрачена. Однако, как мы видим, несмотря на отсутствие прямых указаний на прогресс стациональной литургии в средневизантийский период, данные анализа различных источников до некоторой степени согласуются между собой: и археологические, и письменные памятники свидетельствуют о существовании многочисленных персональных крестов, используемых в литаниях X–XI вв. Очевидно, в интересующее нас время эта богослужебная традиция переживает не только свой расцвет, но и существенную трансформацию, которая и позволила современным археологам увидеть процессионные кресты в новом для них археологическом контексте.

Итак, морфологическая близость и хронологическая «компактность» охарактеризованных выше крестов из железа и бронзы, а также факт их преимущественного происхождения из руинированных церковных построек позволяет выдвинуть гипотезу о том, что индивидуальные процессионные кресты византийского обряда, начиная с какого-то момента, стали обращаться в вотивные приношения. Отметим, что железные кресты, в отличие от бронзовых, характеризуют обрядовую жизнь преимущественно византийской провинции и новых христианизируемых территорий, тогда как на

основном пространстве Империи все же преобладают бронзовые экземпляры.

Предположительно, железные кресты отражают меньшую притязательность местных художественных вкусов, отсутствие в этих регионах навыков изготовления подобных предметов и дефицит цветного металла. Отметим дополнительно, что в условиях сельской местности, изолированных поселений и немногочисленных храмов, разделенных многими километрами, стацио-

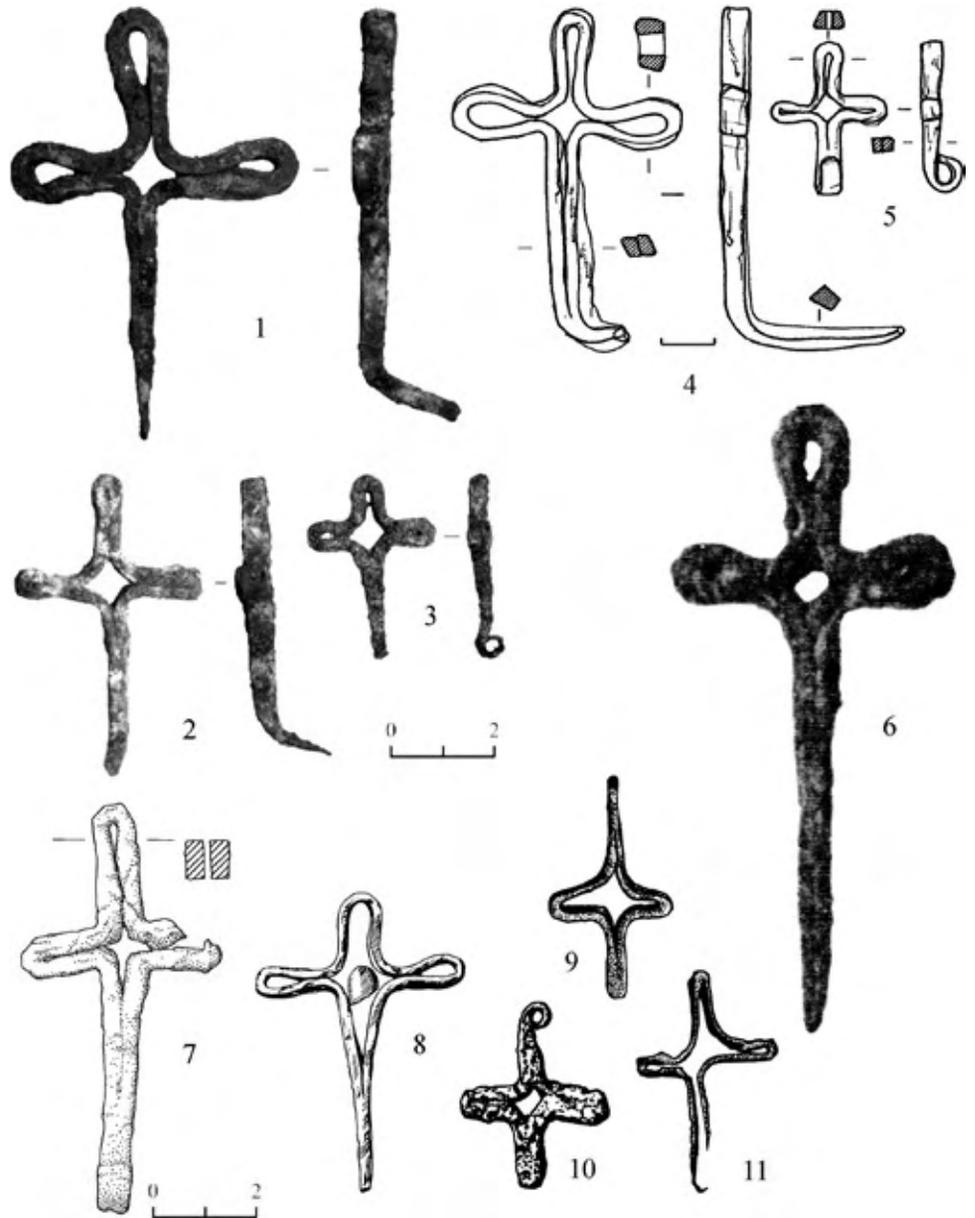

Рис. 5.11. Металлические кресты из проволоки, X–XIII в.

1, 2, 3 – кресты с г. Ай-Петри, Крым (по: Турова 2012: рис. 3); 4, 5 – кресты с г. Пахкал-Кая, Крым (по: Лысенко 2011: рис. 1: 28, 29); 6 – крест из Анакопии, Абхазия (по: Трапш 1961: рис. 13: 16); 7 – крест из Тилле-Хойук, Турция (по: Moore 1993: fig. 62: 60); 8 – кресты с городища Пампук-Кая (по: Якобсон 1970: рис. 95: 6); 9, 10, 11 – кресты из крепости Скала, Болгария (по: Йотов, Атанасов 1998: таб. 97: 300-303).

Fig. 5.11. Metallic ex-voto and personal crosses of wire, 10th-13th centuries.

1, 2, 3 – Ai-Petri, Crimea; 4, 5 – Pahkal-Kaya, Crimea; 6 – Anakopia, Abkhazia; 7 – Tille-Huyuk, Turkey; 8 – Pampuk-Kaya, Crimea; 9, 10, 11 – Skala, Bulgaria.

нальная литургия не могла быть жизнеспособной. В такой ситуации обычно начинало доминировать монастырское богослужение, сохранившее процессии с крестом в их редуцированной форме (о подобной ситуации в Древней Руси см.: Мусин 2000). Таким образом, представляется, что провинциальная среда активно способствовала наделению индивидуальных процессионных крестов новыми культурными функциями и их внедрению в интерьер храма.

Однако в то же самое время подобный процесс происходил и на основной территории Империи, где персональные процессионные кресты тоже становились одним из видов храмовых приношений, превращаясь в элемент церковного интерьера. Очевидно, что для массового превращения крестов, некогда функционально связанных со стациональным богослужением, в votivные приношения нужна была дополнительная мотивация, которая не ограничивалась бы географическими рамками и местными культурными особенностями. К поиску подобной мотивации будет правильной обратиться после знакомства с крестами второй группы из Семидворья и их типологическими параллелями.

Ближайшей аналогией этим крестам являются золотые и серебряные экземпляры, найденные на руинах храма X–XIII вв. на г. Пахкал-Кая, вероятно, современные рассматриваемым крестам (Лысенко 2011: рис. 1: 16, 17) (рис. 5.12: 1, 2). Крест из серебряной пластины, хотя, возможно, и более позднего времени был найден при раскопках храма XIV–XVIII вв. на юго-восточном склоне г. Ай-Тодор (Тесленко, Лысенко 2004б: 266, 288, рис. 11: I: 5) (рис. 5.12: 3). Известен серебряный крест с пуансонным орнаментом, найденный в погребении некрополя Кучар-при-Подземел в Южной Словении, однако его ранняя дата, предложенная в литературе (VI–VII вв.), представляется дискуссионной (Knific, Sagadin 1991: 114–115, fig. 6; Dular, Ciglenc̃ki, Dular 1995: 71–78; Ciglenc̃ki 2008: 445, fig. 10: 4) (рис. 5.12: 4). Здесь же отметим, что аналогии крестам четвертой группы, изготовленным из двух узких пластин с отверстиями на концах, но украшенным пуансонным орнаментом, известны в Капалантоти в Венгрии в аварскую эпоху и могут быть отнесены к периоду 700–800 гг. (Vida 1998: 536, Abb. 1: 10–12) (рис. 5.12: 5). Подобной формы и технологии изготовления серебряный крест из двух пластин, датируемый в публикации VI–VII вв., найден при археологических раскопках в Клепсау-ам-дер-Ягст (округ Хоэнлоэ, земля Баден-Вюртемберг, Германия) (Müller 1986: 37, Abb. 68, ср.: Staecker 1999: 90, Abb. 16) (рис. 5.12: 6).

Кресты второй группы целесообразно рассмотреть совместно с крестами, вырезанными из серебряных монет и отнесенными нами к третьей группе. Их анализ представляет особый интерес, поскольку определённые аналогии таким крестам происходят с территории Древней Руси и Скандинавии, а их происхождение остается дискуссионным. Речь идет о «крестах из листового серебра», использовавшихся как подвески преимуще-

ственно в погребениях X–XI вв. (Недошивина 1983: 223–225, рис. 1; Мусин 2002а: 127–145, рис. 18; 2010: 214–217, рис. 42, 43). Таким образом, их бытование частично охватывает время жизни семидворского храма.

Подобные кресты с округлыми расширяющимися или подтреугольными лопастями, иногда идеально вписывающиеся в круг, зачастую орнаментированы пуансоном, миниатюрными треугольниками, именуемыми «волчьим зубом», штриховкой, или же лишены какого-либо декора. Среди них встречаются как литые экземпляры, так и вырезанные из листового металла с последующей проковкой. В ряде случаев такие кресты изготовлены из арабских дирхемов и европейских динариев. Несмотря на различия отдельных экземпляров и возможность выделения нескольких подтипов, исследователи традиционно рассматривают эти кресты в их совокупности. Подобный подход позволяет нам наметить некоторые типологические параллели между находками из Семидворья и восточно- и североевропейскими «крестами из листового серебра». Эти параллели относятся к области хронологии бытования, к материалу и технике изготовления этих предметов, способу их орнаментации, а зачастую и к морфологическим признакам, связанным с пропорциями и конкретной формой.

Стоит подробнее познакомиться с находками подобных крестов, известными на территории Древней Руси и Скандинавии⁶. Впервые такие кресты стали известны в погребениях Киевского некрополя X в. Так, во время дореволюционных раскопок на усадьбе Марра в Киеве было открыто камерное погребение № 125 по нумерации М.К. Каргера середины-третьей четверти X в. (Некрополь-I), впоследствии ошибочно разделенное на два погребальных комплекса №№ 117 и 125⁷ (рис. 5.12: 7). Здесь было найдено два «кованных» серебряных крестика с пуансонным орнаментом (30×30 мм; Каргер 1958: 190–191, 210–211, табл. XXIX). Из датирующих находок стоит отметить меч типа «Е», скорлупообразные фибулы JP52D и подвеску-дирхем 759/760 г. Инвентарь женского погребения этой камеры известен по снимку 1899 г. с витрины XI-го Археологического съезда в Киеве.

В погребении № 124 на Кирилловской улице в Киеве середины X в. (Некрополь – II), тип которого неизвестен, вместе с овальными фибулами JP51C³ и двумя милиарисиями Романа I, Стефана и Константина Лекапинов и Константина VII Порфирогенета периода 928–944 гг., превращенными в подвески, был найден бронзовый «кованный» крест, близкий по форме к подвескам из погребения № 125, однако украшенный не пуансоном, а зубчатым колесом. Орнамент на этом кресте образует

⁶ В.Н. Зоценко, ограничивший свои наблюдения X в., учитывал 19 находок из 6 пунктов на территории Древней Руси (Зоценко 2010: 468–469). Для периода X–XI вв. к интересующему нас типу крестов можно отнести не менее 32 экземпляров, найденных на 12 памятниках.

⁷ На это в свое время указал В.Н. Зоценко, отметив, что подобное разделение привело к «удвоению» подвесок (Зоценко 2010: 465; ср.: Недошивина 1983: 222; Мусин 2002а: 130).

в средокрестии ромб (28×28 мм; Каргер 1958: 208-210, рис. 45, табл. XXVIII) (рис. 5.12: 8).

25 июня 1906 г. на усадьбе Десятинной церкви в погребении № 14, где была обнаружена ингумация с западной ориентировкой, совершенная в могильной яме в сосновом гробу, которая может быть отнесена к началу X в., было найдено «три маленьких серебряных крестика» вместе с ожерельем из стеклянных и сердоликовых гранёных бус и саманидского дирхема Исмаила I (892-907) (Каргер 1958: 142-143, табл. V:2). Несохранившиеся кресты можно отнести к тому же типу.

В кургане № 78/56 900-950 гг. могильника Шестовицы близ Чернигова, содержащем камерное погребение сидящей женщины, был найден литой серебряный четырехконечный крест размерами 40×35 мм с узкими лопастями, в округлых завершениях которых читались следы циркульного орнамента. Этот крест несколько отличается от интересующих нас экземпляров, но в целом его можно отнести к той же типохронологической группе (Блифельд 1977: 160-163, 210, 211, табл. XXI, XXII; Андросчук 1995: 115-122) (рис. 5.12: 9).

Несколько находок известно в Гнездово. В Заольшанской группе в курганах № 5 и 27 вырезанные из серебряной пластины и прокованные крестики имели подтреугольные завершения лопастей (размеры 35×35 мм и 28×30 мм соответственно), однако в последнем случае экземпляр был украшен пуансоном. Крест из кургана № 38 (35×37 мм) является простым серебряным четырехконечным крестом без орнамента с квадратными лопастями. Все погребения датируются серединой – второй половиной X в. (Каменецкая 1991: 164, 167, 168, рис. 12: 1, 2, 3) (рис. 5.12: 10, 11).

В Центральной группе того же могильника в камерном погребении 970-х гг. в кургане № 198 серебряный крест (40×33 мм), входивший в состав ожерелья, несколько отличается от остальных утонченными пропорциями ветвей и орнаментацией (*Путь из варяг в греки...* 1996: 53, №№ 277-284; Staecker 1999: 90, Abb. 19) (рис. 5.12: 12). В Центральной группе в составе инвентаря камерного погребения № 301, относимого к тем же 970-х гг., найден серебряный крестик с расширяющимися концами, вписанный в круг и украшенный пуансонным орнаментом (размеры 30×30 мм) (Авдусин, Пушкина 1989: 193-196, 203, 204, рис. 4: 2; *Меч и златник...* 2012: 128, № 348) (рис. 5.12: 13). В кургане № 4 Днепровской группы Гнездово с камерным погребением, имеющим дендродату 975 г., был найден литой крест с прямоугольными ветвями (30×30 мм), украшенный в средокрестии парными треугольниками (Авдусин, Пушкина 1989: 196-200, 233, рис. 4: 7).

Возможно, к этому же типу крестов принадлежат несохранившиеся находки из курганов Владимирско-Суздальского ополья, раскопанных А.С. Уваровым и П.С. Савельевым в 1850-х гг. Серебряные крестики были найдены у д. Васильки и в кургане № 4 у д. Вель, причём в последнем случае находку сопровождала овальная скандинавская фибула (Уваров 1871: 827, 830).

Не исключено, хотя и не все исследователи согласны с такой интерпретацией, что два орнаментированных «креста оловянных», размерами приблизительно 17×20 мм, из безынвентарного грунтового погребения № 26 (XI в.) в могильнике у подножия сопки у д. Федово (Вышневолоцкий р-н, Тверская область, Россия), относятся к той же группе (Ширинский-Шихматов 1906: 53-62). Также, в урочище Озера (Лодейнопольский р-н Ленинградской области) в начале XIX в. был найден денежно-вещевой клад, сокрытый после 1085 г. и состоявший из арабских монет, серебряного пластинчатого браслета, а также «четырёхконечного серебряного креста с треугольными оконечностями», украшенного пуансонным орнаментом в виде «рядов пирамидок, точками и кружочками». В ушке для подвешивания сохранилось кольцо из «витой серебряной проволоки» (Корзухина 1954: 17, 102-103, № 61). По особенностям формы и орнаментации этот крест также можно отнести к крестам рассматриваемого типа.

Отдельного упоминания заслуживают кресты, вырезанные из арабских и европейских монет. Два таких креста известны в погребениях некрополя Тимерево под Ярославлем в курганах №№ 417 и 459/1977 (рис. 5.12: 14). Крестообразные подвески были вырезаны из серебряных арабских дирхемов Хусам ад-даула ал-Мукаллада (мосульская ветвь Укайлидов), 997 или 999 гг., и Мансура I (Саманиды), 969/70 г., соответственно. Их асимметричная форма производит впечатление поспешности изготовления. Отметим, что ветви креста из кургана № 417 – прямые, как и у подобных экземпляров из храма у с. Семидворье. Курганы обнаружены на краю кладбища и могут датироваться X – началом XI в. Мужское погребение № 417 совершено на горизонте, при нем найдены топор и нож. Погребение № 459 совершено в яме, в состав инвентаря входили серебряная витая гривна с бусинами «глухого» стекла, серебряный дровотый завязанный браслет, серебряный широкосердинный завязанный перстень с орнаментом «волчий зуб», нож, пружинные ножницы, ложка из медного сплава, иногда несправедливо упоминаемая как серебряная, деревянная чаша с серебряной бляшкой, обломок бронзовой чаши, деревянное ведро с железными обручами и дужкой (Смирнов 1963: 37, рис. 21: 12; Недошивина 1983: рис. 1: 6; Недошивина, Зозуля 2012: 190, рис. 11; *Меч и златник...* 2012: 130-131, № 351).

Серебряные, к сожалению, неопределимые динарии, послужили материалом для изготовления крестов, найденных в Вашкинском районе Вологодской области (Россия). Памятник Никольское-III, известный также как Кемский некрополь, расположен у д. Болтинская при слиянии рр. Кемы и Выдробы. Очевидно, он принадлежал древнерусской общине, выполнявшей функции контроля над торговыми путями в регионе. Кресты были обнаружены в кургане № 9 (погребение № 1, вторая половина XI в.) и в грунтовой могиле № 7 (XI в.) (Макаров 1990: 151, 160, ср.: Макаров 1997: 137, 145, 163; Макаров, Захаров, Бужилова 2001: 351).

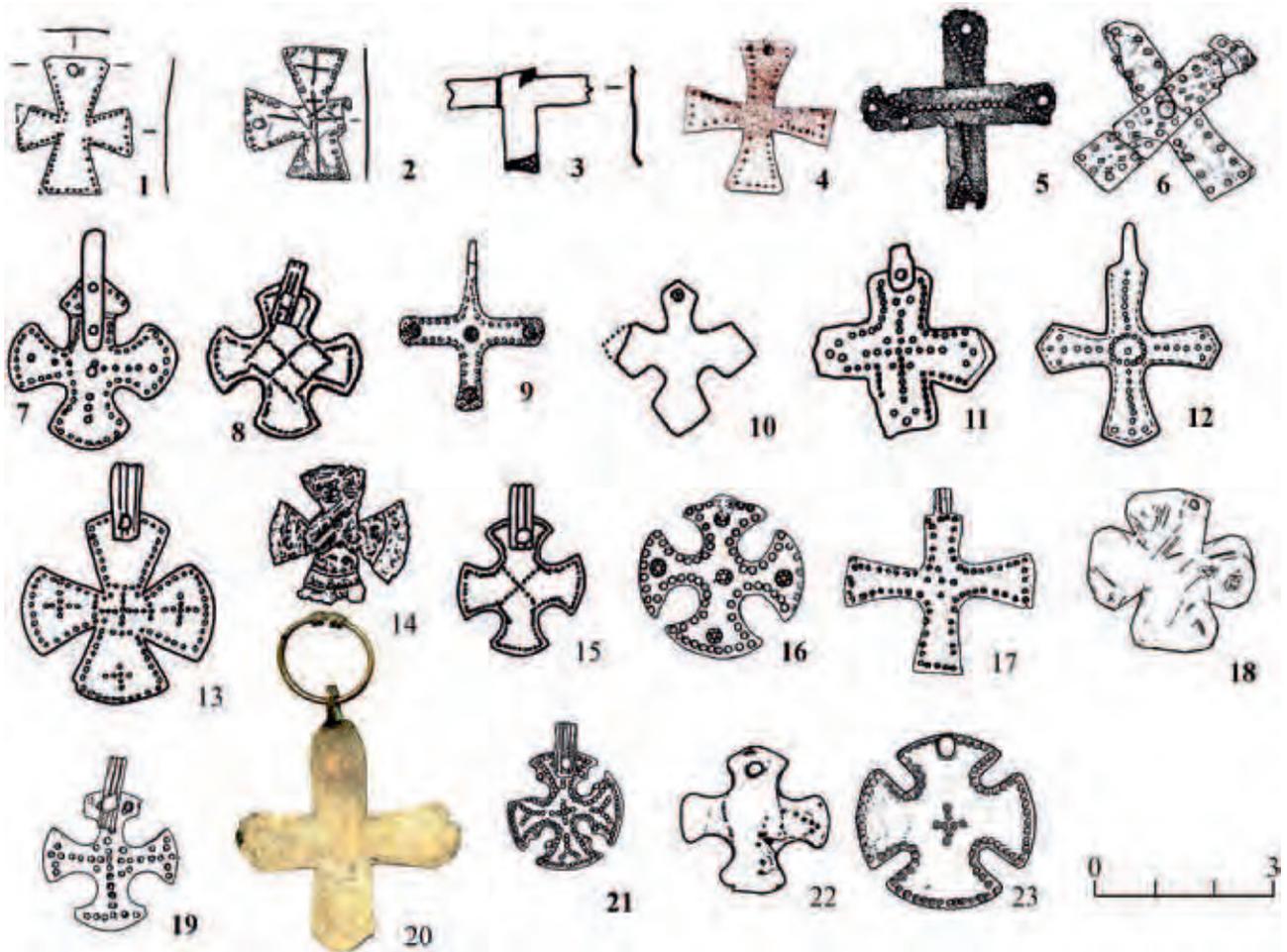

Рис. 5.12. Средневековые кресты из листового металла Центральной, Восточной и Северной Европы.

1, 2 – кресты с г. Пахкал-Кая, серебро, золото, X–XIII вв. (по: Лысенко 2011: рис. 1: 16, 17); 3 – крест из раскопок храма в с. Малый Маяк (Биук-Ламбат), серебро, XIV–XVIII вв. (по: Тесленко, Лысенко 2004: рис. 11: 1: 5); 4 – крест из погребения в Кучар-при-Подземел, Словения, серебро, VII в. (?) (по: Čiglenečki 2008: fig. 10: 4); 5 – крест из Капталантоти, Венгрия, серебро, VIII–IX вв. (по: Vida 1998: Abb. 1: 11); 6 – крест из Клепсау ан дер Ягст, Германия, серебро, VI–VII вв. (по: Staecker 1999: Abb. 16); 7 – крест из погребения № 125 некрополя-I, Киев, Украина, серебро, середина X в. (по: Каргер 1958: табл. XXIX); 8 – крест из погребения № 124 некрополя-II, Киев, Украина, серебро, середина X в. (по: Каргер 1958: табл. XXVIII); 9 – крест из погребения № 78/56 могильника Шестовицы, Черниговская область, Украина, серебро, первая половина – середина X в. (по: Блифельд 1977: табл. XXI); 10 – крест из кургана № 5 Заольшанской группы Гнездова, Смоленская область, Россия, серебро, середина – вторая половина X в. (по: Каменецкая 1991: рис. 12: 1); 11 – крест из кургана № 27 Заольшанской группы Гнездова, Смоленская область, Россия, серебро, середина – вторая половина X в. (по: Staecker 1999: Abb. 18); 12 – крест из камерного погребения кургана № 198 Центральной группы Гнездова, Смоленская область, Россия, серебро, 970-е гг. (по: Staecker 1999: Abb. 19); 13 – крест из камерного погребения кургана № 301 Центральной группы Гнездова, Смоленская область, Россия, серебро, 970-е гг. (по: Staecker 1999: Abb. 29); 14 – крест, вырезанный из арабского дирхема, из кургана № 459 Тимеревского могильника, Ярославская область, Россия, серебро, после 970 г. (по: Недошивина 1983: рис. 1: 6); 15 – крест из культурного слоя Искоростеня, Житомирская область, Украина, серебро, первая половина X в. (по: Зоценко, Звіздецький 2006: рис. 6); 16 – крест из клада в Скіппинге Грунд, Борнхольм, Швеция, серебро, конец X–XI вв. (по: Staecker 1999: 436-437, № 42); 17 – крест из погребения № 703 могильника Бирка, Швеция, серебро, середина X в. (по: Staecker 1999: 494-495, № 95); 18 – крест из Сигтуны, Швеция, бронза, XI в. (по: Staecker 1999: 505, № 103); 19 – крест из погребения № 480 могильника Бирка, Швеция, серебро, середина X в. (по: Staecker 1999: 487-488, № 91); 20 – крест из погребения № 5 каменной насыпи могильника Удрай-II, Батецкий район, Новгородская область, Россия, серебро, первая половина XI в. (Новгородский музей-заповедник, СБ 872, КП 34112 / А 101 – 168; фото С.Е. Торопова); 21 – крест из погребения № 835 могильника Бирка, Швеция, серебро, первая половина – середина X в. (по: Staecker 1999: 498-499, № 97); 22 – крест из клада в Остйодра, Швеция, серебро, после 991 г. (по: Staecker 1999: 514, № 113a); 23 – крест из клада в Кастлоза, Оланд, серебро, после 953/954 г. (по: Staecker 1999: 449, № 57).

Fig. 5.12. Medieval crosses of thin sheet-metal found in Central, Eastern and Northern Europe, 7th-14th centuries.

1, 2 – Pahlkal-Kaya, Crimea; 3 – Malii Mayak (Biuk-Lambat), Crimea; 4 – Kučar pri Podzemlju, Slovenia; 5 – Káptalantóti, Hungary; 6 – Klepsau an der Jagst, Baden-Württemberg, Germany; 7 – Kiev, Ukraine; 8 – Kiev, Ukraine; 9 – Chestovitsa, Chernigov vicinity, Ukraine; 10 – Gnezdovo, Smolensk vicinity, Russia; 11 – Gnezdovo, Smolensk vicinity, Russia; 12 – Gnezdovo, Smolensk vicinity, Russia; 13 – Gnezdovo, Smolensk vicinity, Russia; 14 – Timerevo, Yaroslavl, Russia; 15 – Iskorosten, Zhitomir oblast, Ukraine; 16 – Skjeppinge Grund, Bornholm, Denmark; 17 – Birka medieval cemetery, Sweden; 18 – Sigtuna, Sweden; 19 – Birka medieval cemetery, Sweden; 20 – Udray, Novgorod oblast, Russia; 21 – Birka medieval cemetery, Sweden; 22 – Östjädra, Västmanland, Sweden; 23 – Kastlösa, Öland, Sweden.

К XI в. относятся и кресты, найденные в погребениях №№ 1 и 5 в т.н. «каменной насыпи» могильника Удрай-П (Батецкий р-н, Новгородская область, Россия) (о памятнике см.: Платонова-Залевская 1981: лл.; Платонова 1983: лл.; 1998). Крест из погребения № 1 представляет собой серебряную крестовидную накладку с расширяющимися концами размером приблизительно 30×30 мм. Накладка полагалась на дно или крышку несохранившейся деревянной чаши с бронзовыми оковками. Могильная яма имела обкладку из валунов наподобие ящика. Ориентировка погребённой в могиле – северо-западная. Из инвентаря важно отметить овалнощитковые височные кольца, характерные для новгородского северо-запада, два милиарисия – подвески Василия II и Константина VII (977-1025), два дирхема – первый 894-902 гг. и второй 977-1011 гг., полые серебряные бусы с гроздевидными окончаниями, полые гладкие бусы и подковообразную спиральноконечную пряжку.

Погребение № 5 являлось центральным в каменной насыпи и было совершено в деревянной камере. Среди инвентаря найден сломанный меч с клеймом рейнских мастеров, топор, поясной набор с сердцевидными накладками и деревянная чаша с бронзовыми оковками. Сам крест – массивный, неправильной формы с прокованными концами и с ушком для подвешивания. Его лопасти слегка расширяются, концы закруглены, а размеры составляют 45×50 мм (рис. 5.12: 20).

Среди новых находок необходимо отметить камерное погребение № 49 в Киеве, в Некрополе – I, обнаруженное во время раскопок 1999 г. на территории Михайловского Златоверхого монастыря. Оно датируется третьей четвертью X в. Здесь, помимо креста «скандинавского типа» (этот термин, введённый А.А. Спицыным [см.: Спицын 1905: 117; Фехнер 1968], создает неверные представления о происхождении этой группы крестов, византийские истоки которых сегодня представляются несомненными, см.: Веймарн, Айбабин 1993: 44-45, рис. 26: 23; Parémi 2009: 85, 140, tab. 13: 2), была обнаружена крестовидная накладка на клапан кожаной сумки в виде тонкой крестовидной пластины с тисненой окантовкой и напаянными узкими полосами с псевдозерну, которые образовывали ромб в средокрестии. Накладка на сумку крепилась с помощью серебряных заклёпок (Ивакин, Козюба 2003; Ivakin 2007: 189, таб. 6: 20).

Для хронологии этого типа крестов весьма важна находка серебряной крестовидной подвески с паунсонным орнаментом по краю и косым крестом в средокрестии, выполненным в той же технике. Она обнаружена на посаде летописного города Искоростень в слое пожара первой половины X в. (Жоростеньский р-н, Житомирская область, Украина; ЖЭ – 2005, Кор.- пос., № 65) (Зоценко, Звіздецький 2006: рис. 6; Petrauskas 2009: 653-658, fig. 4: d; Зоценко 2010: 462, 463, 468, рис. 3: 1), что позволяет отнести появление этого типа крестов на Руси не позже этого времени (рис. 5.12: 15). Ушко для подвешивания изготовлено из узкой полоски серебра с продольными каннелюрами, что делает его весьма похо-

жим на ряд других крестов, найденных в Древней Руси (Киев, погребения №№ 124 и 125) и Скандинавии.

Упомянем и исследованное во Пскове в 2003 г. на Старовознесенском–I раскопе камерное погребение I второй половины X в., возможно 970-980-х гг., где в составе инвентаря был найден фрагмент серебряного креста с паунсонным орнаментом (размеры сохранившегося фрагмента креста 2,8×2,8, с ушком 3,7 см), о котором сообщается, что он изготовлен «из серебра афганской монеты» (Яковлева 2006: 66-78, рис. 3: д; Лабутина, Малышева, Закурина, Яковлева, Михайлов 2009: 394-404, рис. 8; Vorontsova, Yakovleva 2010: 63-65, cat. no 10L; Мусин 2010a: 214-215, рис. 42). Всего в захоронении было зафиксировано более 60 предметов, в том числе скорлупообразные фибулы (тип JP52E) и маленькая спиралеконечная фибула, характерная для могильника Бирки, а также фрагменты уникальных восточных тканей. Из погребения происходят монеты-подвески императоров Романа I (920-945) и Константина VII и Романа II (945-959).

Возможно, к этому типу крестов примыкает и бронзовый предмет крестовидной формы из детского погребения № 110 с богатым и нестандартным инвентарем (посуда, костяные изделия, амулеты), обнаруженного в Киеве на усадьбе Десятинной церкви. Оно может быть датировано второй четвертью – серединой X в. (Толочко 1996: 43). В погребении был найден дирхем Ахмад ибн Исмаила (911-912) (Каргер 1958: 174-177). В области груди погребённого зафиксирован крестообразный предмет в виде накладки с круглыми завершениями концов и розеткой в центре, который В.Н. Зоценко справедливо определил как навершие пластинчатой крестовидной фибулы западно-балтской схемы, бытовавшей с конца VIII по XI в. в среде куршей, ломатов и скальвов (Зоценко 2010: 472; ср.: Tautavičius 1978: 68-69, žem. 39: 8; Volkaitė-Kulikauskienė 1978: 106, pav. 4: 1). Однако нельзя исключить, что крестовидная форма этого предмета послужила основанием для его использования в погребении в качестве христианского культового предмета. Это не единственный случай возможного использования навершия крестовидной булавки прибалтийского типа в качестве, предположительно, христианского символа в X в. Среди погребального инвентаря в уже известном нам кургане № 459 могильника Тимерево под Ярославлем, где был найден вырезанный из дирхема крест, встречено и оглавие булавки, близкое по форме к киевской находке (*Меч и златник...* 2012: 41, 131, № 352). Присутствие здесь навершия булавки такого типа вряд ли связано с этнической принадлежностью погребённого и должно объясняться именно крестовидной формой предмета и особенностями культуры христианизируемого общества.

Необходимо отметить, что на интерпретацию этих крестовидных подвесок, найденных на территории Древней Руси, в свое время повлияла капитальная работа Й. Штекера, который каталогизировал и исследовал корпус нательных крестов и крестов-реликвариев X-

XII вв., найденных на территории Северной Германии и Южной Скандинавии. Исследователь постарался показать возможность влияния различных миссионерских традиций и конкретных миссий на появление археологически известных типов крестов (см.: Staecker 1999). В основу своей типологии 126 североевропейских крестов эпохи викингов Й. Штекер положил их форму, а также материал и технологию изготовления, в результате чего классификация является «технологическо-типологической комбинацией» (Staecker 1999: 79). Скандинавские кресты из листового серебра, имеющие определённые аналогии в древнерусском материале, представлены в этой типологии следующими позициями:

1.1.1 – Einfache Kreuze aus Blech: кресты из листового металла, общая дата X–XI вв. (trq 925/926) (Staecker 1999: 82–84). Кресты такого типа найдены в Сигтуне (Швеция) (бронза, 41×41 мм; Staecker 1999: 505, № 103, тип 1.1.1, вариант А) (рис. 5.12: 18), Остйодре (Вестманланд, Швеция) (серебро, 22×21 мм; Staecker 1999: 514, № 113а, тип 1.1.1, вариант А, trq 991) (рис. 5.12: 22), Иоханнисхус, Блекинге, Дания (серебро, 31×27 мм; Staecker 1999: 446, № 53с, тип 1.1.1., вариант А, trq 1120), Шуби (Шлезвиг-Гольштейн, Германия) (бронза, 39×30 мм; Staecker 1999: 410, № 11, тип 1.1.1, вариант D).

1.1.2 – Einfache Kreuze aus Guß: литые кресты, X–XI вв. Такой крест найден в Ринде, Дания (бронза, 28×26 мм; Staecker 1999: 417, № 20, тип 1.1.2, вариант B).

1.2.1 – Einfache Kreuze aus Blech mit Verzierung oder Stempelmuster: кресты из листового металла с простым или штампованным орнаментом, в том числе орнаментом «елочкой», общая дата X–XI вв. Кресты этого типа найдены в таких местах как: Оланд Алунбрук, Швеция (серебро, 21×20 мм; Staecker 1999: 451–452, № 59, тип 1.2.1, trq 949/950); Бирка, погребение Bj 703, Швеция (серебро, 33×34 мм; Staecker 1999: 494–495, № 95, тип 1.2.1, вариант C) (рис. 5.12: 17); Виборг, Сондерсо, Дания (бронза, 31×21 мм; Staecker 1999: 414, № 15, тип 1.2.1, вариант C), Бурге, Готланд (серебро, 43×36 мм; Staecker 1999: 460, № 66, тип 1.2.1, вариант C).

1.2.2 – Einfache Kreuze aus Blech mit herausgestanzten Balkenenden: кресты из листового металла, вписанные в круг, общая дата этого типа X в. (trq 911). Места находок крестов: Скийппинге Грунд, Бронхольм, Швеция (серебро, 29×25 мм; Staecker 1999: 436–437, № 42, тип 1.2.2, trq 962–973) (рис. 5.12: 16); Бирка, погребение Bj 480, Швеция (серебро, 25×24 мм; Arbman 1940: Taf. 102: 11; 1943: 138–139, Abb. 84; Staecker 1999: 487–488, № 91, тип 1.2.2) (рис. 5.12: 19); Бирка, погребение Bj 517, Швеция (серебро, 24×24 мм; Arbman 1940: Taf. 102: 7; 1943: 155–156, Abb. 105; Staecker 1999: 490–491, № 93, тип 1.2.2, trq 922/923); Бирка, погребение Bj 835, Швеция (серебро, 22×21 мм; Arbman 1940: Taf. 102: 5; 1943: 308–309, Abb. 254; Staecker 1999: 498–499, № 97, тип 1.2.2, trq 911/912) (рис. 5.12: 21); Бирка, погребение Bj 983, Швеция (серебро, 27×26 мм; Arbman 1940: Taf. 102: 9; 1943: 409–411, Abb. 364; Staecker 1999: 500–502,

№ 99, тип 1.2.2); Кастлоза, Оланд (серебро, 30×31 мм; Staecker 1999: 449, № 57, тип 1.2.2, trq 953/954) (рис. 5.12: 23).

1.2.4 – Einfache Kreuze aus Guß mit Verzierung oder Stempelmuster: литые кресты с простым или штампованным орнаментом, общая дата X–XI вв. Места находок крестов: Тумби-Бинебек, Шлезвиг-Гольштейн, Германия (серебро, 29×24 мм; Staecker 1999: 410–412, № 12, тип 1.2.4, вариант B); Вальва, Готланд (серебро, 41×35 мм; Staecker 1999: 461, № 67, тип 1.2.4, вариант B, trq 962–973); Винор, Готланд (серебро, 48×39 мм; Staecker 1999: 461–463, № 68, тип 1.2.4, вариант B); Копарсвик, Готланд (серебро, 42×42 мм; Staecker 1999: 479–480, № 83, тип 1.2.4, вариант B); Бирка, погребение Bj 968, Швеция (серебро, 16×16 мм; Arbman 1940: Taf. 102: 6; 1943: 394–396, Abb. 346; Staecker 1999: 499–500, № 98, тип 1.2.4, вариант B, trq 906).

1.2.6 – Einfache Kreuze aus Guß mit rhombischen Balkenenden: литые кресты с ромбическим завершением ветвей; общая дата X–XI вв. Место находки: Готланд, случайная находка (бронза, 33×32 мм; Staecker 1999: 482, № 85, тип 1.2.6).

К этим находкам стоит добавить не вошедшие в каталог по географическим соображениям крестовидные подвески из Норвегии: из погребения V/1954 Каупанга (Blindheim, Heuerdahl-Larsen 1995: K/1954-V) и клада в Слеммедале (Тримстад, Ауст-Агдер), где известна золотая крестовидная подвеска с пуансонным орнаментом, переделанная из крестовидной фибулы (trq 915–920) (Blindheim 1982: 25, fig. 2, 3b; Roesdahl, Wilson 1992: 263, № 141).

Й. Штекер справедливо сближает североевропейские кресты типа 1.2.2 с наиболее характерными древнерусскими образцами, тяготеющими к середине X в. При этом исследователь указывает аналогии этому типу крестов на Британских островах среди англо-саксонских реликвий VII–VIII вв. Здесь в первую очередь необходимо назвать «крест св. Кутберта» (634–687), золотой крест-подвеску, украшенную гранатами и выемчатыми эмальями с включенным в неё солидом императора Ираклия (613–630) из Вильтона (Норфолк), которая датируется 675–700 гг., а также крест с гранатами и выемчатыми эмальями из Иксворта (Саффолк) (Staecker 1999: 91–96, Abb. 20, 21, 22; Bruce-Mitford 1956: 308–325; Jessup 1950). Находка близкого по форме креста в погребении в Лехлейд (Глочестершир) датируется VII–VIII вв. (Geake 1997: 95, fig. 4, 5). К этой эпохе может относиться фибула похожей формы с циркульным орнаментом из Трира (Böhner 1958: 163, Taf. 18: 9). Этот тип фибул вполне определённо бытует до IX–X вв., о чем свидетельствует крест из серебряной фольги из клада в Грейвсенд (Кент, trq 872), а также подобный крест из аббатства Уайтби (Северный Йоркшир) того же времени (Wilson 1964: 55, 59, pl. 19: 20, 39: 113). Эти параллели позволили Й. Штекеру предположить, что похожие кресты появились в Скандинавии непосредственно под влиянием англо-саксонской традиции в результате деятельности миссии британского епископа Уно в 930–

940-е гг. (Staecker 1997; 2003: 462-482; Janson 2005: 174-175). Согласно построениям исследователя, именно из Скандинавии в середине – второй половине X в. такие кресты и попали на территорию Древней Руси.

В России и Украине таким крестам посвящена обширная литература (см., в частности, один из последних обзоров: Зоценко 2010; с соответствующей библиографией). Некоторые исследователи интерпретируют их как предметы личного благочестия, связанные с распространением христианства, другие предпочитают видеть в этих подвесках украшения. Н.Г. Недошивина впервые обобщила и проанализировала всю серию этих предметов, связанных с территорией Древней Руси. В её статье было учтено 12 экземпляров из 4 пунктов. Существование близких аналогий древнерусским крестам в скандинавских материалах позволило исследовательнице предположить, что кресты изготовлялись в Средней Швеции и попадали на Русь вместе с их носителями-варягами. По её мнению, кресты, найденные в погребениях Тимерева и вырезанные из дирхемов, были специально изготовлены для погребения первых русских христиан, чтобы соблюсти предполагаемый канон, предположительно существовавший в местной общине (Недошивина 1983: 224).

Н.В. Хамайко в целом не возражает против идеи скандинавского происхождения этой группы крестов, связывая их с погребальными комплексами «русско-скандинавского облика». Со ссылкой на находку подобного креста в Искоростене, она датирует появление таких подвесок на Руси временем не позже второй четверти X в., то есть тем же периодом, что и в Скандинавии. Исследовательница наметила хронологию эволюции крестов во второй половине X в., когда этот тип несколько меняет форму, которая становится более упрощённой. Орнаментация при помощи пуансона сравнивается в её исследованиях с имитацией псевдозерни (Хамайко 2010: 425-427).

Последнее наблюдение представляется нам весьма перспективным для понимания генезиса крестов из храма у с. Семидворье. В Крыму, в частности в склепе № 189 на склоне Эски-Кермен вместе с вещами первой половины VIII в., были обнаружены кресты, определяемые как «бронзовые литые пластинчатые кресты с сильно расширяющимися концами и петелькой для подвешивания», лицевая сторона которых полностью покрыта кружками, украшенными в центре точками, причём в одном случае, в силу изношенности литой формы или использованного для оттиска образца, на лицевой поверхности остались видны лишь полусферические выступы (4-й вариант 3-го типа по Э.А. Хайрединовой, см.: Хайрединова 2007: 163-165, рис. 1: 29, 30; 7: 3, 4, 4а; Khairedinova 2012: 421, 424, 427, fig. 2: 29, 30; 5: 3, 4, 4а). Не был ли этот тип крестов «переходным» от собственно зерненных изделий к крестам, украшенным пуансоном?

Несмотря на то, что большинство коллег склонны усматривать в исследуемых крестах результат влияния

северной культуры, единства взглядов на этот предмет не существует. Так, например, Л.А. Голубева, изучавшая погребения киевского некрополя, где известны такие кресты, указала аналогии подвескам в изображениях на престолах херсонских храмов VIII–IX вв. (Голубева 1949: 111). Одним из немногих восточноевропейских исследователей, кто отказался от «генерализирующего» подхода в анализе этих крестов, был В.Н. Зоценко. Отказ от подобных обобщений позволил ему применить к этому интересному материалу разработанную Й. Штекером типологию, а также выделить две традиции в морфологии крестов: скандинавскую и византийскую. Часть подвесок он отнес к «миру скандинавской материальной культуры» (Зоценко 2010: 462, 471-472), отождествив их с выделенным Й. Штекером типом 1.2.2. – крест в условном круге, с расширяющимися округлёнными окончаниями лопастей. Для этих крестов можно считать характерными гравированный точечный рант, нанесенный зубчатым колесом, или выплненный по окружности пуансон, а также ушко для подвешивания на одной серебряной заклёпке, изготовленное из узкой полоски серебра с продольными каннелюрами (ср.: Gräslund 1984: 112, 114-115, Abb. 12: 1). Согласно предположению В.Н. Зоценко, именно эти кресты были раннехристианскими крестами, привнесёнными на Русь скандинавами. Преимущественно к этому типу, за исключением одного экземпляра – из Шестовицы, принадлежат практически все южнорусские находки крестов, относящиеся, согласно хронологии В.Н. Зоценко, к 900/920 – 950/970 гг.

В.Н. Зоценко также отметил, что близкими по технике исполнения к скандинавским образцам являются подвески из листового серебра из гнездовских курганов Заольшанской группы, однако здесь лопасти имеют несколько иной абрис с характерным треугольным завершением, что отражает иную иконографическую традицию, хотя и близкую скандинавским подвескам типа 1.2.1, вариант С по Й. Штекеру. Отметим, однако, что подвеска из погребения № 5 Заольшанской группы (рис. 5.12: 10), как и, предположительно, подвеска из клада в Озерах, имели завершения лопастей, близкие по своим очертаниям к ромбовидной фигуре, в соответствии с типом 1.2.6 по Й. Штекеру. Характерно, что в Скандинавии эти кресты появляются лишь в XI в., а наиболее древние прототипы крестам с подобным завершением лопастей можно обнаружить уже во второй половине VI в. на территориях Византийской империи от коптского Египта до Балкан (Forrer 1893: 7, Taf. 10: 14; Staecker 1999: 103, 104, Abb. 39). В тоже время, крест из тонкого листового серебра, лишенный орнаментации, найденный в погребении № 38 Заольшанской группы Гнездовского некрополя следовало бы, согласно В.Н. Зоценко, отнести к образцам типа 1.1.1, вариант А (Staecker 1999: 82-84).

Крестовидная литая подвеска из ожерелья кургана №78/56 Шестовиц (рис. 5.12: 9) имеет прямые и закруглённые по концам горизонтальные и нижнюю ло-

пасти, а верхняя с ушком немного развернута, что, по нашим наблюдениям, соответствует варианту В типа 1.2.4. по Й. Штекеру. Эти два варианта в первой половине X – середине XI в. получают относительно широкое распространение в Скандинавии. Однако, по мнению В.Н. Зоценко, именно они берут свои истоки в культуре византийского мира, где подобные крестовидные прямоконечные подвески бытуют, по его мнению, на протяжении V/VI–X/XI вв. В отношении вырезанных из дирхемов тимеревских подвесок В.Н. Зоценко полагал, что данные образцы произведены в местной дружинной среде и представляют собой угасание традиции таких крестов.

В недавнее время по поводу скандинавских и древнерусских крестов интересующего нас типа высказался Ф. Андрощук, который, как и В.Н. Зоценко, отметил преобладание этих предметов в женских погребениях эпохи викингов и их очевидную связь со скандинавской культурой. В то же время он предложил рассматривать их как известные из письменных источников индивидуальные процессионные кресты. Участие посещавших Константинополь скандинавов в императорских ритуалах и превратило их в обладателей византийских крестов (Androshchuk 2011: 81). В силу этого такие сакральные предметы рассматривались их владельцами не столько как предметы культа, сколько в качестве символов социального статуса и престижа, что и привело к их депозиции в богатых женских погребениях. Полностью разделяя мнение о византийских истоках таких крестов, мы не можем не отметить, что их интерпретация как крестов для литаний противоречит имеющемуся археологическому материалу, который был рассмотрен нами выше, и является досадным недоразумением...

В связи с этим возникает вопрос: какими могут быть альтернативные версии происхождения скандинавских и древнерусских крестовидных подвесок, помимо уже предложенных Й. Штекером и В.Н. Зоценко, и насколько обосновано сопоставление крестов из церкви у с. Семидворье, относимых ко второй и третьей группе, со всем комплексом вышеописанных крестов из Северной и Восточной Европы?

Напомним, что Й. Штекер выводил эти кресты в целом из англо-саксонской культурной традиции, а конкретное их появление в Скандинавии связывал с миссионерской деятельностью 930-940-х гг. Согласно его видению, в середине-второй половине X в. эти кресты стали попадать на Русь. Однако после находки такого креста в культурном слое Искоростеня стало очевидно, что уже в первой половине X в. эти кресты стали частью древнерусской культуры. Также нельзя упускать из виду, что для Западной Европы эпохи средневековья ношение нательных крестов было нехарактерно (Мусин 2006: 163-222), тогда как форма креста, вписанного в круг, была привычна и для Византии, о чем, в частности, свидетельствует упомянутая выше подвеска такой формы из Вильтона (Британские острова), включившая в себя византийский солид.

О том, что на Западе и Севере Европы традиции крестов-подвесок не существовало, в частности, говорит и тот факт, что некоторые кресты типа 1.2.2 оказались не специально изготовленными подвесками, а крестообразными фибулами из драгоценных металлов с пуансонным орнаментом, приспособленными впоследствии для использования в качестве нательных крестов. Изготовление подобных крестов на Британских островах не прослеживается по археологическим материалам. Литейная форма для изготовления крестовидного предмета с имитацией пуансона (?), найденная в культурном слое поселения Тетфорд (Восточная Англия) (site 2N [997]), относится к 3-й фазе существования поселения и датируется временем не ранее второй половины X в. (Rogerson, Dallas 1984: 62, fig. 110: 23) (рис. 5.13). Представляется, что однозначно определить, служила ли она изготовлению крестов-подвесок или крестообразных фибул, невозможно.

Не в пользу гипотезы Й. Штекера об англо-саксонско-скандинавских истоках этих крестов говорят и наблюдения И. Янссона, который отметил, что облик погребений с подвесками в Швеции и на Руси характеризуется хронологически компактной материальной культурой середины – второй половины X в., связанной с использованием овальных фибул типа P51C, а также набором вещей восточного облика, которые должны были попасть в Скандинавию с территории Древней Руси, а не наоборот (Jansson 2005: 70-75). Происхождение таких крестов, встреченных на территории Древней Руси, из скандинавских по внешнему облику погребений свидетельствует в данном случае не о северном происхождении этих предметов, а о роли скандинавов и скандинавской материальной культуры в формировании древнерусского общества и государства. В этом процессе выходцы с Севера, которые закономерно составляли не столько элиты, сколько «средний класс» местных обществ, играли важную посредническую роль между различными общественными силами Восточной Европы (Musin 2012a; 2012b; Мусин 2012).

Вообще же мнение об обязательной связи распространения христианства со специально организованной миссией, материальным воплощением которой могли быть особые предметы личного благочестия, сегодня должно быть пересмотрено, а именно на эту рабочую гипотезу опирался в своих построениях Й. Штекер. Новые наблюдения за характером распространения новой религии, особенно в Восточной, Центральной и Северной Европе, позволяют заключить, что основную роль в этом процессе играли не внешние миссионеры, а представители местных общин: воины, купцы, дипломаты, выносившие из своего общения с христианскими империями положительный религиозный опыт и элементы религиозной материальной культуры. Именно в этом и состояла специфика византийской миссионерской политики (Musin 2010b; Musin 2012a; 2012b; Salamon 2012; см. также: Garipzanov, Tolochko 2011: 10-11).

Сделанные выше наблюдения позволяют предполо-

жить, что распространение в Восточной и Северной Европе крестов из листового металла, орнаментированных пуансоном, а также литых экземпляров с более сложной орнаментацией, определённо имело византийские истоки. Важную роль в обосновании этой гипотезы играют обнаруженные при раскопках храма у с. Семидворье кресты с точечным орнаментом, вырезанные из фольги или изготовленные из серебряных монет. Речь идет не только о морфологических соответствиях и технологической близости в изготовлении этих изделий (близость формы креста № 255 к находкам из Гнездова, Готланда и других мест, присутствие в коллекции крестов, вырезанных из монет (№№ 226, 249), что имеет полные аналогии в материалах Тимерева и Кемского некрополя, наличие пуансонной орнаментации на большинстве крестов), но и о соображениях хронологического порядка. Общая датировка храмового комплекса Семидворья IX – первой половиной X в. определённо предполагает, что найденные здесь кресты предшествуют появлению рассмотренных выше подвесок в Древней Руси и Скандинавии. Эта хронология в целом совпадает с активной фазой функционирования пути «из Варяг в Греки» (Мусин 2010б: 35-45), по которому подобные предметы и могли проникать на Север.

Находки в церкви в урочище Еди-Евлер свидетельствуют и о временном приоритете византийской культуры в использовании крестов-подвесок, вырезанных из восточных монет. Совершенно очевидно, что речь идет не об «угасании традиции» или поспешном соблюдении местной общиной «канонов погребения», но о присутствии византийскому обществу обычая использования монет в религиозной сфере. Итак, и характер изготовления и орнаментации подобных крестов, и употребление для этих целей серебряных монет, и данные хронологии говорят в пользу византийских истоков традиции «крестов из листового серебра».

В связи с последним утверждением нам хотелось бы подчеркнуть, что сказанное не означает, что каждый из перечисленных выше крестов, найденных в Древней Руси или Скандинавии, был непосредственно изготовлен в Византии. В большинстве случаев логично предположить местное изготовление этих крестов, которое ориентировалось не столько на конкретные предметы, сколько на общие образцы, почерпнутые при знакомстве с византийской культурой. В дальнейшем местные мастера пытались реализовывать эти образцы в локальном материале Северной и Восточной Европы в соответствии с собственными навыками. Именно это и объясняет, по нашему мнению, как значительное разнообразие самих крестов, так и использование крестообразных фибул, отдалённо напоминающих эти образцы, в качестве основы для подвесок. Возможно, в дальнейшем, анализ химического состава металла, из которого были изготовлены кресты, мог бы прояснить ситуацию с их изготовлением.

Отметим характерную, по нашему мнению, деталь. Кресты, найденные у с. Семидворье в храмовом кон-

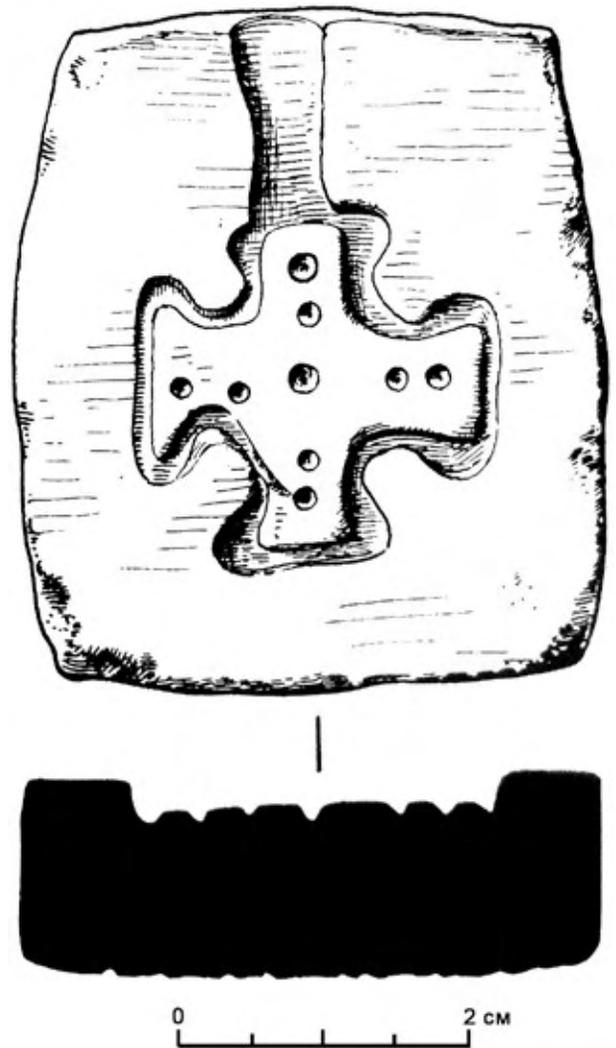

Рис. 5.13. Литейная форма для изготовления крестовидных украшений, Тетфорд, Восточная Англия, камень, вторая половина X в. (по: Rodgerson, Dallas 1984: fig. 110: 23).
Fig. 5.13. Stone casting mould for cross-shaped dress accessories, Thetford, East Anglia, second half of the 10th century.

тексте, в христианизируемых обществах Древней Руси и Скандинавии входили в состав погребального инвентаря (подробнее см.: Musin 2010). Мы далеки от мысли, что подобные кресты в византийской культуре изготавливались исключительно для храмовых приношений, хотя стоит признать, что в погребениях и в культурном слое поселений Средиземноморского региона кресты из листового металла с пуансонным орнаментом практически неизвестны. В связи с этим нельзя исключить, что первое знакомство руси и скандинавов с такими крестами-подвесками произошло в достаточно драматических условиях, а именно в момент набегов северных отрядов на греческие приморские города и разграбления местных храмов (Сугдея, Амастрида, Константинополь), о чем уже для первой половины – середины IX в. сообщают греческие источники (Photius 1900: 721-741; Васильевский 1915а; 1915б; Ivanov 2006: 158-163). Характерно, что в сознании византийских книжников и

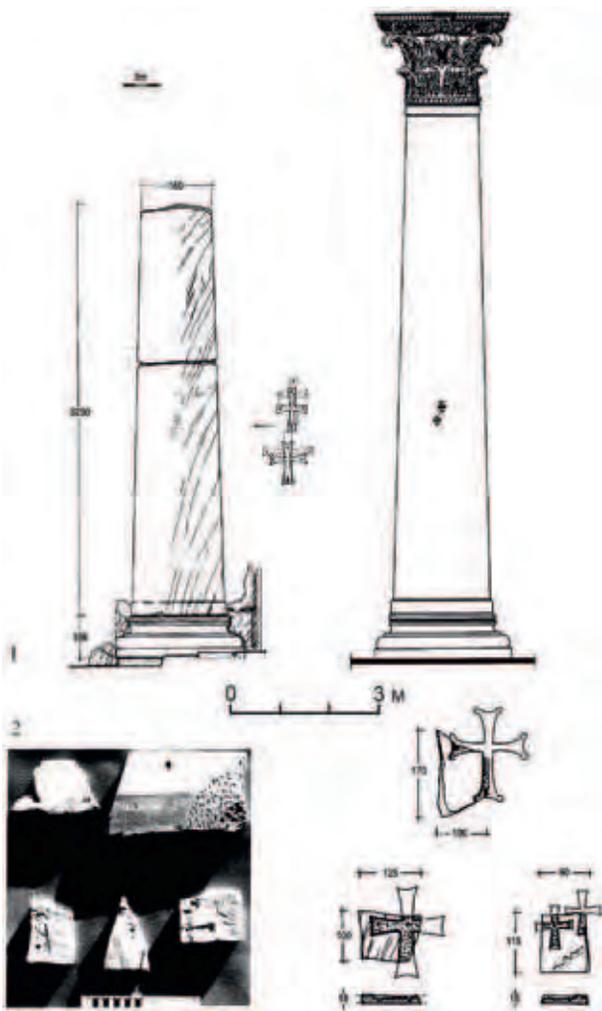

Рис. 5.14. Использование металлических votивных крестов в колоннах и мраморных декоративных элементах базилики Саламина, Кипр, VI–VII вв. (по: Roux 1998: fig. 105, 171).

Fig. 5.14. Cross-shaped cavities for ex-voto crosses (6th–7th centuries) in columns and marble slab of the basilica of Salamis, Cyprus.

византийского общества такого рода события становились важным средством христианизации варваров, поскольку случавшиеся при этом чудеса способствовали их обращению. Возможно, первыми крестами «новых христиан» стали именно такие храмовые «сувениры», какие нам известны благодаря раскопкам в Семидворье. Привнесённый таким образом в восточно-европейскую культуру этот тип крестов мог повлиять на изготовление их имитаций в местных условиях. Тот факт, что подобные кресты оказались не только перенесены из храмового контекста в повседневную жизнь, но и стали частью погребального ритуала, как нельзя лучше соответствует начальным стадиям христианизации, когда основное внимание новообращенных было сосредоточено на проблеме загробной жизни и посмертного воздаяния.

Подобную картину можно наблюдать и в Южной Италии эпохи лангобардов. Здесь, в частности, при раскопках базилики Сан-Джовани в Пратола-Серра (Кам-

пания) было выявлено 123 погребения конца VI–VII вв. с многочисленными ручными крестами из золота и серебра, которые происходили как из могил лангобардской знати, так и местного духовенства (Peduto 1992: 46–48, tav. 75: 17–24, 26; Pastore 1992: 356–358; Giostra 2010: 130, fig. 18). Не останавливаясь на подробной характеристике крестов из золотой и серебряной фольги в погребальной культуре лангобардов этого времени, которым посвящены многочисленные публикации (см. напр.: D’Angela 2000: 129–135; Giostra 2010: 129–140), отметим, что в погребениях базилики Сан-Джовани мы вновь сталкиваемся с трансформацией индивидуальных процессионных крестов в христианской культуре. Как и в случае с рассмотренными выше железными и бронзовыми индивидуальными процессионными крестами средневизантийской эпохи, ставшими, согласно выдвинутой гипотезе, храмовыми votивами, найденные в могилах кресты вновь оказались вне контекста своего первоначального назначения. Здесь возможно увидеть, как и в случае с крестами из листового серебра, сопровождающими древнерусские и скандинавские погребения, специфический интерес христианизируемого общества к личной эсхатологии. Впрочем, нам трудно сказать, какие в данном случае религиозные идеи стояли за помещением крестов в лангобардские погребения. Представляется, что здесь возможны определённые ассоциации с загробной процессией в Царствие Божие, где ручные кресты играли свою роль. Не исключено, что этот обряд каким-то образом был связан со становлением традиции «*scioix d’absolution*», т.е. помещением крестов в погребения знати и духовенства Западной Европы XI–XV вв. как залога их спасения в вечной жизни (Cochet 1857: 304; Salin 1959: 372–375).

Итак, с учетом всего вышесказанного, на фоне особенностей христианской культуры средневизантийского периода, стоит рассматривать найденные в храме у с. Семидворье кресты различных групп именно как votивные приношения в церковь, сделанные представителями местной общины. Остается понять, каковы были социальные и религиозные причины того, что кресты самых разнообразных типов от предметов общественного богослужения – процессионных крестов до индивидуальных подвесок – предметов личного благочестия в массовом количестве оказались приносимыми в храмы средневизантийской эпохи?

Некоторое время назад исследователи обратили внимание на крестообразные углубления в стенах и колоннах важных византийских храмов, прежде всего в таких как Святая София в Константинополе (Teteriatnikova 1998; 2003). В ряде случаев, по своим характерным формам, эти углубления полностью соответствовали морфологии крестов-реликвариев X–XI вв. (Pitarakis 2006: 30; Дончева-Петкова 2011: 36). В качестве основной гипотезы было предложено, что подобное размещение энколпионов в храмах средневизантийской эпохи было частью сознательно организованной программы почитания реликвий, рассчитанной на палом-

ников. Такая интерпретация включения персональных крестов-реликвариев в храмовый интерьер не кажется мне убедительной (подробнее см.: Musin 2012b).

Прежде всего, традиция вкладных крестов, вырезанных из листового металла и в силу этого лишенных мощей, была хорошо известна и в эпоху поздней Античности, а именно в VI–VII вв. Следовательно, по крайней мере, в то время эти вкладные кресты не были связаны с организованным почитанием реликвий. Эта традиция носила персонализированный votивный характер. Подобные кресты, как и углубления для них, известны, например, в Питиунте, Абхазия (Хрушкова 2002: 111–112, рис. 23), в Херсонесе (*Меч и золотник...* 2012: 175, № 424), в базилике Саламина, Кипр (Roux 1998: 165, fig. 105, 171) (рис. 5.14). К середине VII в. относятся углубления для крестов на мраморной доске, закрывающей мощи святых Синайских отцов в южной часовне базилики монастыря св. Екатерины на Синае (Ševčenko 1966: 258, 263, № 6; Forsyth, Weitzmann 1973: pl. CII) (рис. 5.15: 1), и, что дополнительно подтверждает индивидуальный характер таких вкладов, на серии ранних купелей для баптистериев, в частности в Константинополе и его окрестностях (Khatchatrian 1962: 26, 78, № 209; Ristow 1998: 247, № 670; Tezcan 1989: 112–114, fig. 128), в Динек-Сераи и Оренчик (Малая Азия, Турция) (Calder, Cormack 1962: 25, № 133, tab. 5; Niewöhner 2007: 264, № 337, Abb. 129, Taf. 38) (рис. 5.15: 2, 3). Крестообразные выемки для votивных крестов в мраморном блоке зафиксированы и при раскопках храма в византийском

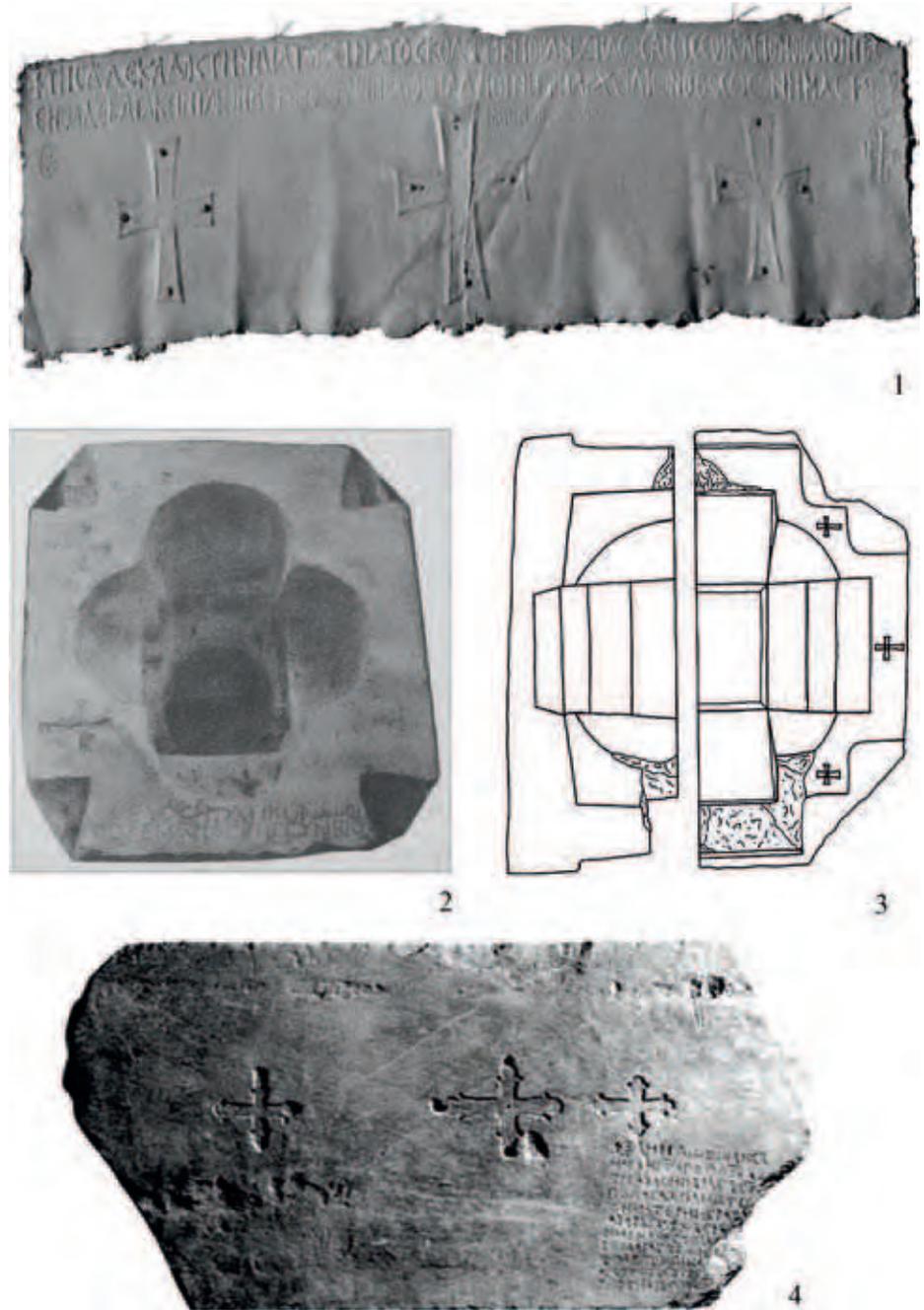

Рис. 5.15. Использование металлических votивных крестов в византийской и болгарской церковной культуре, VI–X вв.

1 – углубления для votивных крестов на слепке с мраморной плиты часовни Синайских отцов в базилике монастыря св. Екатерины, Синай (по: Ševčenko 1966: № 6); 2 – углубления для votивных крестов на баптистерии из Динек-Сераи, Малая Азия, Турция (по: Calder, Cormack 1962: tab. 5); 3 – углубления для votивных крестов на баптистерии из Оренчик, Анкара, Турция (рисунок И. Ожуг по: Niewöhner 2007: fig. 129: 1); 4 – углубления для крестов-реликвариев на погребальной плите старшего брата царя Болгарии Самуила, селение Агюс Германос, 993 г. (*Национален исторически музей*: № 184).

Fig. 5.15. Cross-shaped cavities for ex-voto crosses (6th–10th centuries) in Byzantine and Bulgarian church culture

1 – marble slab in the southern chapel of the basilica in the monastery of Saint Catherine at Mount Sinai sheltering the relics of Holy Fathers of Sinai; 2 – baptismal font, Dinek Serai/Alisa, southern central Turkey; 3 – baptismal font, Örençik, Kızılcahamam, Ankara Province, Turkey; 4 – gravestone slab plate with an inscription commemorating the parents and oldest brother of Tsar Samuel of Bulgaria (993 AD), village German on Lake Prespa, now in Sofia, Bulgaria.

Эносе, провинция Эдирне, Турция (Erzen 1985: 606-607, 617, ges. 20).

При обращении к храмам средневизантийской эпохи, где встречены крестообразные выемки для крестов-реликвариев и иногда, как это можно отметить в случае со стелой из Херсонеса – для крестов процессионных (Латышев 1896: 20-21, № 10), становится очевидно, что подобные вложения были характерны отнюдь не только для храмов, являвшихся важными паломническими центрами. Подобные находки встречаются в самых рядовых церквях. Так, створка креста-энколпиона была найдена в углублении в форме креста в одном из мраморных блоков, обнаруженном среди руин в Сардах (Greenewelt 2003: 150, 155, fig. 5). Крестообразные углубления зафиксированы на мраморной плите алтарной преграды неизвестного происхождения, хранящейся в одном из музеев Западной Анатолии (Турция) (Niewöhner 2008: 291, 319, 320, Abb. 20: d, № 16) и на алтарной преграде одного из пещерных храмов в Чанлы-Килисе, Акхисар, Турция (Ousterhout 2005: 163-164), на могильной плите 993 г. из деревни св. Герман на оз. Преспа (*Национален исторически музей...*: 102, № 184) (рис. 5.15: 4). Нами дополнительно выявлены углубления для энколпионов в колоннах темплона базилики Матери Божией в Эфесе, на колоннах средневизантийского храма Килисе Джамии в Стамбуле и в других местах (подробнее о географии этой традиции и новооткрытых крестообразных углублениях см.: Musin 2012b). При раскопках серии последовательно существовавших храмов VIII–XII вв. в Гурзуфском Седле в Крыму были найдены два энколпиона (Новиченкова 2005: 17), очевидно, тоже принесённые в качестве вотивов – провинциально-византийский с гравированными изображениями молящихся святых X–XI вв. (см. об этой категории предметов личного благочестия: Корзухина, Пескова 2003; Pitarakis 2006; Дончева-Петкова 2011; Пескова, Строкова 2012) и древнерусский с рельефным изображением Распятия XII в., аналогичный найденному в погребении на городище Пампук-Кая (см.: Якобсон 1964). Не исключено, что найденные в монастырском комплексе X–XVI вв. в бухте Панаир на юго-восточном склоне г. Аю-Даг древнерусские энколпионы XI–XIII вв. (Адаксина 2002: 9, 66, рис. 39, 40; Корзухина, Пескова 2003: 101-110, 193-209), как и прочие кресты-реликварии, происходящие из раскопок византийских храмов и не связанные напрямую с конкретными погребениями, также были принесёнными в церковь вотивами.

Таким образом, речь не должна идти о сознательном использовании крестов-реликвариев для формирования храмовой программы почитания реликвий. Их проникновение в церковное пространство носило спонтанный характер, будучи связано с персональными приношениями вотивного характера. Археологические исследования показывают, что основными местами приношения вотивных крестов были главные входы в храм и алтарь, что прослеживается не только в церкви в урочище Еди-Евлер, но и в других исследованных храмовых зданиях,

например, в «двойной церкви» в Богазкой, в церкви на городище Гиляч, в часовне на «Первом окне» на городище Ильич, в церкви № 1 городища Верхний Джулат. Что же касается зафиксированного в храме у с. Семидворье явления, связанного с нахождением двух крестов в кладке, закрывшей в третьем строительном периоде дверной проём между северным и южным храмовыми компартиментами (рис. 5.4: 237, 238), то здесь возможно предположить две основные объясняющие версии. Такое «замуровывание» крестов в кладке церковной стены напоминает известный в средневековой практике и в церковной этнографии способ «утилизации сакрального», когда вышедшие из употребления священные предметы, не подлежащие иному употреблению или уничтожению (иконы, богослужебные сосуды и т.д.), скрывались в специально созданных в храмах нишах, которые закладывались навеки. Впрочем, появление этих крестов именно на пороге переставшего использоваться дверного проёма могло быть связано с исполнением ими охранительной функции. В данном случае кресты магически предохраняли некогда использовавшийся вход в храм (о подобных «охранительных мероприятиях» в отношении входов и дверей в помещения, свойственных позднеантичной и византийской культурам, см.: Vikan, Nesbitt 1980; Maguir *et al.* 1989; Maguir 1994; 1995; *Byzantine magic* 1995).

Выше мы уже показали возможность использования в качестве вотивных приношений средневизантийской эпохи совершенно различных типов крестов: процессионных, нательных, крестов-реликвариев. Для понимания становления этого нового феномена приношения вотивных крестов и его хронологии принципиально важно, что последняя группа крестов появляется именно в это время, т.е. не ранее конца IX в. (Пескова, Строкова 2012: 11, 39, 42, 43, 57). На это же время приходится как массовое распространение персональных процессионных крестов, так и их попадание в храмовые комплексы.

Такое «взрывообразное» появление предметов личного благочестия в средневизантийскую эпоху, используемых как в быту, так и в общественном богослужении, стоит связать с новым идейным состоянием византийского общества. Именно этот период традиционно рассматривается исследователями как время возрастания индивидуализма и социальной атомизации, повышения самооценки членов византийского социума и как следствие – роли личности в социально-политической и религиозной жизни (Kazhdan, Epstein 1985: 86-87, 97, 233; Podskalsky 1992; Cotsonis 2009). Следствием этого и было появление новых форм культа, связанного с крестами-реликвариями и индивидуальными процессионными крестами, которые естественным образом опирались на предшествующие традиции поздней Античности. Именно эти новые формы культа нашли отражение в массовом археологическом материале. Очевидно, что такое самосвидетельство «нового Православия» было связано с преодолением иконоборческого кризиса в Византии, с той ролью, которую отдельные граждане,

сохранившие традиции иконопочитания, сыграли в противостоянии полисных обычаев и имперской тирании.

Такое возрастание роли личности в церковной жизни, символом которого и были индивидуальные кресты, могло вызывать озабоченность иерархии. Необходимо было найти новые средства гармонизации общецерковных потребностей и проявления персональной религиозности. Представляется, что выход был найден во включении предметов личного благочестия в контекст храмового богослужения в виде вотивных приношений, прежде всего в монастырских общинах, связанных со столицей Империи. В 34-й главе Устава константинопольского монастыря Богородицы Кехаритомене, основанного императрицей Ириной Дукеней в начале XII в. (1104-1118), предписывалось: «В каждую субботу должны быть приносимы малые кресты за усопших и родных наших, за четверых один; они должны быть записаны в диптихах – быть поминаемы по уставу; равным образом и живые, записанные в диптихи. Каждое воскресенье должны быть приносимы другие кресты за живых, в том же количестве, что и за умерших» (Gautier 1985: 84-85; Jordan 2000: 688; ср. не совсем точный перевод в: Казанский 1878: 11). Именно включением индивидуальных крестов в процесс общецерковной молитвы за живых и усопших и должно объясняться то значительное количество их археологически известных экземпляров из руин византийских храмов, которое недавно пополнилось находками из церкви у с. Семидворье.

Таким образом, находки вотивных крестов в семидворском храме целиком и полностью вписываются в культурный контекст средневизантийского периода. Они расширяют наши представления о динамике и хронологии распространения явлений столичной культуры в провинции. Обрядовые новшества мгновенно распространяются из центра на периферию. Возможно предположить, что носителем этих литургических инноваций выступало византийское монашество, которое традиционно рассматривалось обществом как пример веры и благочестия. Моментальность распространения в Северном Причерноморье новых обрядов и ритуалов в IX–X

вв. из Константинополя и Малой Азии подтверждают и другие особенности семидворского храма, связанные с отправлением в нем богослужения. Речь об этом пойдет в соответствующем разделе монографии.

В заключение стоит отметить, что традиция вотивных крестов, как и вотивных металлических привесок вообще, характерная для Средиземноморского региона, не прижилась в Восточной Европе. Даже в эпоху христианизации и становления церковных структур X–XI вв. мы не наблюдаем массового бытования в Древней Руси вотивных приношений в форме крестов или иных вырезанных из листового металла фигур. Она приходит в Россию и Украину в XVII–XVIII вв. вместе с западноевропейским влиянием и получает широкое распространение в XIX в. среди различных групп населения, будучи представленной самыми разнообразными фигурами (кресты, иконы, части тела [глаза, руки, ноги], домашние животные, что должно было выражать благодарность за исцеление или выздоровление). Эти вотивные предметы выполнялись в самой разнообразной технике: ручное тиснение по фольге, чеканка, металлопластика, гравировка, литье, штамповка (Постникова-Лосева, Платонова, Ульянова 1983: 42; Игошев 2001: 255-275). Рискнем все же предположить, что в древнерусскую эпоху функцию вотивных крестов выполняли многочисленные граффити, в том числе и в виде процарапанных крестов различных форм, зафиксированные на стенах древнерусских храмов (Высоцкий 1976, Медынцева 1978), но известные и в византийских церквях как в столице, так и в провинции (напр. Акташ в Центральной Анатолии, см: Pekak 1999: 517, res. 4). Однако в Крыму, где античный континуитет поддерживался естественным образом, эта традиция сохранилась и в позднем средневековье, как показывают исследования монастырского комплекса X–XVI вв. на г. Аю-Даг (Адаксина 2002: 111, рис. 140). Именно здесь были найдены две подвески из серебряной фольги в виде человеческих очей, принесенные кем-то из местных жителей к местной святыне – иконе или мощам – вероятно, в знак благодарности за исцеление от глазной болезни.